

ДЕНИС АГЕЕВ



ДАГГЕР:
Инициация

Денис Агеев

Даггер: Инициация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70255156

SelfPub; 2024

Аннотация

Опустошительная война между Альрийской Федерацией и Локсийской Империей закончилась. Незавидно наследие, которое она после себя оставила: миллионы потерянных жизней, тысячи уничтоженных городов на десятках планет и неисчислимое количество разрушенных судеб. Одним из тех, кому не повезло, оказался и Алекс Хоксвелл по прозвищу Палач. Отказавшись подчиниться приказу высшего руководства, он попутал все карты, за что попал под трибунал. И теперь некогда подающий надежды солдат коротал унылые дни в тюрьме на отдаленной планете Федерации. Возможно, все шло бы так и дальше, но однажды ему сделали заманчивое предложение... И Алекс, конечно же, согласился. Не сразу, но согласился. Если бы он тогда знал, к чему все это приведет...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	50
Глава 4	71
Глава 5	86
Глава 6	104
Глава 7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Денис Агеев

Даггер: Инициация

Пролог

– Вскрыть! Быстро! – скомандовал я, указав дулом автомата на дверь.

Бойцы засуетились. Из плотного ряда солдат вышел кибертехник с визором, тускло светящимся в полумраке коридора.

– Давай шустрее! – бросил я.

– Да, командир, – кивнул он. Поднес левую руку с наручем-взломщиком к дверной панели, вывел голографическое меню и принялся тыкать в него, подбирая комбинацию кода.

– Не нравится мне твой взгляд, сержант, – произнес Клейтон. Забрало исцарапанного светло-серого шлема было поднято, поэтому я с легкостью разглядел его потное лицо и сверкающие тревогой глаза.

– Заткнись, рядовой, – процедил сквозь зубы я.

– За этой дверью руководство восьмого звена. Они ответственны за нападение на Ляморию и Дункан-4. Я знаю, о чем ты думаешь.

Я сжал до скрипа рукоять автомата, поморщился, но про-

молчал. В горле пересохло, как на поверхности планеты, выжженной постоянными бомбежками. Удары сердца набирали обороты, в груди все дрожало от нетерпения ворваться внутрь.

– Алекс, – позвал меня Клейтон. – У нас есть приказ.

– Я в курсе, рядовой. И не тебе напоминать мне об этом, – огрызнулся я. И резко бросил технику: – Чего так долго возишься?

– Здесь сложная схема кодировки. Я обошел первый контур, но...

– Давай быстрее! – оборвал его я.

– Мы не должны отходить от приказа, Алекс, – снова подал голос Клейтон. Он говорил тихо, слова предназначались только мне, но я отказывался их слышать. Тяжелые удары сердца отдавали в голову, словно в ней поселился какой-то мерзавец с молотом. Мир вокруг словно наполнялся уводящим в дурман туманом.

– Вы – не должны, но не я. И... я знаю, что делаю, – тихо, почти по слогам проговорил я, прищурено поглядев на рядового. – У вас есть приказ, выполняйте его.

– Вот именно, что – у нас. У всех нас. И у тебя в первую очередь.

Я снова промолчал. Сухость в горле как будто стала на порядок сильнее. Слюнные железы перестали работать?

– Сержант! – чуть повысил голос Клейтон и коснулся моего плеча.

Я дернулся, словно меня укусило какое-то насекомое.
Рывкнул:

– Убрать руки, рядовой!

– Алекс, черт тебя подери! Это не шутки!

– Послушай меня, Клейтон, – заговорил я, приблизившись к нему и понизив голос. – Здесь я командир, а не ты. И я сделаю то, что должен.

– Ты, как и мы все, должен выполнить приказ. А приказ заключается в том, чтобы взять их живыми...

– Я знаю суть приказа, – медленно проговорил я. – Не лезь не в свое дело, рядовой.

– За невыполнение приказа тебя ждет трибунал, Алекс. Тебя – и всех нас.

Я снова промолчал.

Панель пикнула. Техник убрал руку от двери и громко объявил:

– Готово! Могу открыть в любой момент.

– Внимание, бойцы! – громко сказал я. – Всем переключить режим огня с боевого на парализующий. У всех есть боезапас транквилизаторов?

Солдаты засуетились, копошась со снаряжением. Отовсюду посыпалось:

– Есть, командир...

– Так точно, сержант...

– А если там окажутся боевые андроиды? – поинтересовался один из бойцов.

– Железок, если они там будут, я беру на себя, – произнес я и провел ладонью по гладкому корпусу автомата. – Главное, в штаны не наделайте.

Со всех сторон слышались усталые и полные тревоги вздохи бойцов. Как-никак перед нами разворачивалась кульминация, к которой мы шли долгие месяцы.

– Рядовой Оуэн, встать по левому флангу от цели. Клейтон! – повернулся к сослуживцу, в глазах которого тревоги только прибавилось. – Занять позицию справа. Остальные – рассредоточиться. И помните: у нас есть приказ, который мы должны выполнить. Все, вперед. Техник, открывай дверь.

Тот кивнул, нажал что-то на панели, и дверь плавно начала подниматься. Я опустил забрало шлема, перед глазами возникла проекция дополненной реальности, замелькали строчки и цифры. До хруста сжал рукоять оружия, прижал приклад к плечу и прокричал:

– Включить щиты! Задний прикрывает переднего. И – вперед!

Я коснулся на плече сенсора, активирующего энергощит, и рванул в образовавшийся проход первым. Tактический компьютер показал, что впереди, метрах в трех от меня, живой объект. Узнал его сразу – черную форму локсийского офицера я никогда ни с чем не спутаю. Человек направил на меня баллистический пистолет, который в бою уже давно никто не использует. Пережиток военной моды, наподобие офицерских сабель, место которым в музее.

– Оружие на пол! – заорал я, направив ствол автомата на локса.

Имперец дернулся, с пару секунд помешкал, но потом его ноги подкосились, и оружие выпало из рук. Я сделал в его сторону два шага, пнул по пистолету, который заскользил по гладкому паркету и закатился за невысокий резной шкаф, сделанный то ли из композита, то ли из настоящего дерева.

Позади раздавались тяжелые шаги и резкие угрожающие выкрики моих ребят. Я быстро огляделся – тактический компьютер определил, что помимо локса передо мной, в помещении было еще четыре человека. Все сплошь из высшего офицерского состава, как мы и предполагали. Забаррикадировались тут как крысы, которым некуда бежать, потому что корабль уже потонул.

Ярость, замешанная на злорадном превосходстве, закотала во мне, как кипятки в котле. Сердце забилося с таким усердием, что в груди стало горячо.

– На пол! – рявкнул я. – Быстро!

– Стоять на месте! Руки поднять! Поднять, я сказал, чтобы я их видел! – раздался голос Оуэна за спиной.

– Ну что, крыса локсийская, прижали мы вас, наконец? – хмыкнул я, приблизившись к имперскому офицеру еще на шаг. Ложиться на пол он не торопился, но руки уже поднял. – На колени! Живо!

Локс кивнул, в глазах блеснуло пламя страха. Он медленно опустился сначала на одно колено, потом на другое. Весь

ссутулился и сжался, как беглый раб при виде хозяина. Я непроизвольно улыбнулся, хотя видеть этого никто не мог.

– Вы, твари, спалили Ляморию. Выжгли поверхность догта, – процедил я сквозь зубы и поднял забрало. Цифры и слова, повествующие о различных состояниях в тактическом компьютере шлема, пропали. – Тебе есть, что сказать, ублюдок?

Имперец раскрыл рот, что-то буркнул, его губы зашевелились, выдавая тихие невнятные слова. Страх в глазах пылал огнем. Его руки начали дрожать, а лицо побледнело. Я вытянул автомат, дуло почти касалось лба локса.

– Алекс, нет! – закричал позади Клейтон, и через долю секунды я зажал пальцем спусковой крючок.

Глухой выстрел. Голова офицера запрокинулась назад, лоб взорвался в кровавом месиве. Бордовые брызги окропили мне руки и лицо. Почти обезглавленное тело брякнулось на пол. Под ним стала быстро растекаться темно-красная лужа. Я повернулся к остальным имперцам, которые стояли в одну шеренгу с поднятыми руками. Мои бойцы наставили на них дула автоматов, но подходить близко никто не решался.

– Сержант! – протянул Клейтон. – Ну какого черта?!

– Заткнись! – буркнул я, сделал два шага и остановился перед имперскими офицерами.

Пару секунд назад я намеревался произнести пафосную речь, но после того, как я только что лишил жизни локса, все мысли стерлись из моей головы. Не нужны здесь никакие

слова. Ничто уже не поможет. Ни им, ни нам.

Я поднял автомат, направив на них ствол.

– Алекс, одумайся, – заговорил Клейтон тише и вкрадчивей. – У нас есть приказ. Они нужны нам живыми. Не ломай жизнь ни себе, ни нам. Война почти закончилась. Мы победили. Все.

– Ничего не закончилось, – негромко произнес я, сжал зубы и надавил на спусковой крючок, медленно ведя дулом слева направо.

Автоматная очередь прошла сначала первого локса, а потом и оставшихся троих. Через три секунды все было кончено.

Вот теперь все. Я снова коснулся сенсора на плече, деактивировав энергощит. Нужды в нем больше не было.

– Остановите его! Остановите! Сержант нарушил приказ! – заорал Клейтон. Дуло его автомата уже было нацелено на меня. Он нажал спуск, и парализующий снаряд ударил мне в грудь. Меня затрясло с неистовой силой. Кто-то еще выстрелил, и я ощутил скованность в ногах.

Я отбросил автомат, а через миг на меня навалилось сразу три бойца. Я не сопротивлялся. Ноги подкосились, я завалился на бок, а потом распластался на полу. Руки мне выкрутили и сцепили сзади, ноги зажали. Клейтон что-то кричал, солдаты ругались и громко переговаривались. А я улыбался. Все, что я должен был сделать, я сделал. И пошло все к черту!

Я сидел на ужасно жестком и неудобном стуле. Вдобавок он еще был и холодным. Раньше я и не задумывался, насколько некомфортным могла быть камера предварительного заключения. Мои руки и ноги были скованы магнитными наручниками и кандалами, наличие которых требовал устав, но не здравый смысл. Куда я смогу деться из зала военного суда, окруженного высокой стеной с вышками, на каждой из которых приютился боевой андроид? Кроме того, зона просматривается десятками камер и патрулируется чуткими дронами. Да и присутствующие на судебном процессе охранники с суровыми лицами восковых фигур тоже не дадут и малейшего шанса на побег.

– Итак, подсудимый, все доводы в пользу вашей вины были выдвинуты обвинением. Вы согласны с ними? Признаете свою вину? – произнес военный судья – высокий и широкоплечий мужчина преклонных лет.

Он стоял на помосте на энергоподушке. Смотрел на меня свысока – как и подобает человеку его статуса. За его спиной развевался голографический флаг Альрийской Федерации – синий прямоугольник с желтым кругом посередине в окружении двадцати одной звезды. Совсем недавно и я носил эту эмблему на правом плече своего костюма.

– Своей позиции я не поменял. Как и сказал ранее, я по-

ступил так, как мне велела моя совесть, – уклончиво ответил я.

– А если бы ваша совесть сказала вам, что нужно перестрелять всех ваших боевых товарищей, вы бы тоже ее послушались? – спросил судья. Он не ухмылялся, да и вообще его лицо оставалось беспристрастным, но в голосе ощущались злорадство и упрек.

Это был один из тех вопросов, которые обожали задавать судьи – вопросы, ответить на которые однозначно верно было попросту невозможно. Если скажу «да», то тут же дискредитирую себя не только как верного солдата и командира, но и как здравомыслящего человека. Отвечу «нет» – значит, выдвину противоречащее моему прошлому ответу утверждение и стану выглядеть запутавшимся мальчишкой. После этого столкнуть меня в сторону бесприкословного признания собственной вины будет намного проще.

– Я воздержусь от ответа, ваша честь, – скромно ответил я.

Ни страха, ни вины за содеянное я не ощущал. Да, я нарушил приказ командования, но, черт возьми, я же оказал ему великую услугу, избавив мир от поганых ублюдков, с такой безжалостностью уничтоживших мою родную планету. Всех, с кем я рос, они спалили в одночасье. Поэтому я не жалел о случившемся. Искренне. Дайте в руки автомат и поставьте передо мной этих уродов снова – и я опять нажму на спусковой крючок. Без колебаний. Да и чем я рисковал?.. Только своими регалиями и положением. Парней я не подставил,

взяв ответственность за расстрел ублюдков на себя. Война почти закончилась, и я внес в ее завершение весомый вклад, кто бы что ни говорил.

Судья дальше мучить меня не стал. Видимо, у него и без меня выдался тяжелый день, и ему поскорее хотелось завершить процесс. Он сказал:

– Право ваше, подсудимый. Не хотите – не отвечайте. Но факт остается фактом – вы совершили преступление: отказались подчиняться приказу вышестоящего командования во время проведения специальных боевых действий. В виду данного обстоятельства вы обвиняетесь по статье сто восемьдесят четвертой пункт первый «Неповиновение вышестоящему руководству» и статье сто девяносто девятой пункт четвертый «Умышленное совершение действий, приведших к смерти людей» военно-полевого кодекса Альрийской Федерации...

Что, черт возьми?.. Что несет этот недоносок?.. Если первая применяемая для моего осуждения статья вполне объяснима, то на счет второй – большой вопрос... Он что, хочет приравнять уничтожение этих локсийских изуверов к убийству обычных людей? Он в своем уме, мать вашу?!

– Беря во внимание ваши боевые заслуги и военный статус, а также положительные отзывы вашего непосредственного руководства и боевых товарищей, – продолжал излагать свое решение судья, – вам вынесен следующий приговор: снятие с должности командира отряда, понижение в звании

до рядового, отмена всех военных льгот и пенсии в том числе. Кроме того, вы приговариваетесь к лишению свободы на срок до пятнадцати лет без возможности условно-досрочного освобождения. Отбывать наказание отправитесь в тюрьму Платос на планете Отарис. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Пятнадцать лет?.. Максимум, что они должны были сделать, это лишить меня всех боевых регалий и отправить под домашний арест на год. И все! Какие еще пятнадцать лет?..

Мир вокруг пошатнулся, а перед глазами поплыли круги. Похоже, я на миг потерял сознание, но оно быстро ко мне вернулось. В голове, тем не менее, запульсировало, а в ушах зашумело.

– Какого черта?! – закричал я, резко вскочив на ноги. Магнитные кандалы потянули меня к полу, но я все же устоял.

– Подсудимый, – спокойно произнес судья, опутив на меня взгляд. – Вам слово никто не давал...

– Да плевать я хотел на ваше слово! – еще сильнее повысил голос я, понимая, что уже не могу контролировать эмоции. – Вы осуждаете меня за то, что я должен был сделать как человек, требующий справедливого возмездия!.. – Я рефлекторно приподнял руку, чтобы ударить себя в грудь, но магнитные наручники не дали этого сделать. – Я сделал всю грязную работу – избавил мир от ублюдков. Но вместо награды вы срываете с меня погоны и отправляете в тюрьму! На погоны мне плевать, а вот годы жизни...

– Охрана! – прокричал судья, вид при этом у него сделался крайне усталый. – Вывести подсудимого из зала. Также я распоряжаюсь привести приговор в действие прямо в эту же минуту.

Дальше все развивалось как в плохом и нечетком сне. Меня вывели из зала суда, я попытался воспротивиться, но получил несколько ударов шокерами по голове и шее, а потом и по почкам. Кто-то из охранников еще ударил в спину. А потом меня тут же повели к шаттлу и забросили в индивидуальный отсек для заключенных. Через несколько минут явились уже другие люди с шокер-дубинками. На виду у камер и персонала меня особенно не трогали, но тут решили спустить всех псов. После двадцатого прихода увесистым оружием я перестал считать удары, а затем вообще отключился.

Так закончилась моя старая жизнь и началась новая.

Глава 1

– Номер одиннадцать-сто-четырнадцать, подъем! – прозвучал голос надзирателя Ллойда, которого за глаза все называли Носорогом – за уродливую горбинку чуть ниже основания носа. Да и в остальном он тоже напоминал это древнее животное с планеты Земля – невысокий, грузный, с толстыми неуклюжими ногами.

Потекли пять секунд почти гробовой тишины. В моменты, когда надзиратели выкрикивали чьи-то номера, вся тюрьма внезапно затихала, и заключенные вслушивались в каждый звук. Я любил такие моменты. Была в них какая-то своя магия. Ты словно переносился в иную реальность, каждый миг пребывания в которой стоил очень дорого.

– Номер одиннадцать-сто-четырнадцать, сраный ты кусок мяса! Ты что, оглох? – повысил голос Носорог, но повысил несильно. Я знал, что его голосовые связки способны выдавать куда больше октав.

– Алекс, это по твою душу, – донесся с нижней шконки голос Митриса – моего соседа по камере, старого доходяги, который в этой чертовой тюрьме оказался намного раньше меня и давно заучил наизусть все ее гласные и негласные правила.

– Слышу, – бросил я и протяжно зевнул.

– Ну какого хрена тогда лежишь? – задал резонный вопрос Митрис. – Он же просто так не отстанет.

– Номер пятьдесят-шесть-сто-двенадцать, закрыть пасть! Номер одиннадцать-сто-четырнадцать, даю пять секунд на то, чтобы встать, подойти к решетке и протянуть свои лапы в отверстия для наручников. Время пошло.

– Какого черта тебе надо, господин великий надзиратель? – спросил я, приподнимаясь с лежанки. – Ты тратишь мое личное время, предназначенное для отдыха.

– Здесь твое личное – только дерьмо в унитазе. Все остальное, в том числе и твоя сутулая спина, – собственность Альрийской Федерации. Встал и подошел сюда, я сказал!

– Алекс, не тяни. И избавь нас от всего этого дерьма, – удрученно произнес Митрис. Старый заключенный знал, что если раздосадованный надзиратель войдет в камеру, то и ему может перепасть пара несильных, но неприятных ударов увесистой шокер-дубинкой – за то, что он просто существует на этом свете и попался под горячую руку.

Я громко и наигранно вздохнул, выпрямился почти во весь свой немалый рост, задев макушкой потолок над шконкой, расположенной на втором ярусе, и прыгнул на пол. Сунул босые ноги в тряпичные серые ботинки с полустертой подошвой. Медленно пошаркал к решетке. Просунул руки в отверстия и спросил:

– Так какого хрена тебе от меня нужно?

– Начальник тюрьмы ждет встречи, – ответил надзира-

тель. Запястья обволокло холодный металл магнитных наручников.

– Неужели? – повел бровью я. – Не помню, чтобы я ему на сегодня назначал.

Носорог смерил меня недовольным пристальным взглядом и бросил:

– Ты когда-нибудь дошутишься, юморист.

– Все мы когда-нибудь дошутимся, – сказал я. – Так что ему нужно от меня? Опять хочет, чтобы я ему автограф на заднице поставил? Так там уже места свободного не осталось.

– Тебе врезать? – буднично спросил надзиратель. На наручниках пискнуло, и я ощутил легкую вибрацию на запястьях, которая, впрочем, быстро прошла – мои оковы сжали руки так, что я едва мог пошевелить пальцами.

– Будь я без наручников, ты бы такой вопрос задавать не стал, Ллойд, верно? – подмигнул ему я, ухмыльнувшись.

Носорог снова смерил меня пристальным взглядом, прижал правую ладонь к сенсорной панели справа от решетки, и прутья резко опустились, скрывшись в пазах.

– Заключенный под номером одиннадцать-сто-четырнадцать, два шага вперед и замереть. Смотреть только вперед, – произнес он, не сводя с меня взгляда.

Я выполнил приказ, сделав два ленивых шага. В голове промелькнуло: и что начальнику тюрьмы от меня вдруг понадобилось? Неужели снова попросит, чтобы я не подшучивал

над надзирателями? В последний раз он именно для этого меня и вызывал. Сказал, что устал выслушивать жалобы своих подопечных. Обвинил меня в том, что я пользуюсь своим особым положением слишком нагло, и если я не умерю пыл, то скоро он развяжет руки своим церберам. Заключение должны уважать надзирателей – так он и сказал. Я ничего обещать ему, разумеется, не стал, но ответил, что постараюсь быть с его нежными мальчиками помягче. С тех пор прошло несколько месяцев, и я, наверное, все же где-то ляпнул что-то лишнее. Вот он и решил, видимо, снова вывести меня на разговор.

Позади раздался звук сдвигаемых прутьев, после чего в спину последовал толчок. Носорог произнес:

– Давай, номер одиннадцать-сто-четырнадцать, шагай. И помни: никаких резких движений.

– Да я помню, что у тебя кишечник слабый, от испуга можешь в штаны наделать.

– Закрой пасть! – буркнул Ллойд.

Дальше шли молча. Проходя по широкому коридору мимо камер, я несколько раз кивнул заключенным, провожавшим нас безучастным взглядом.

– Здорово, Палач! Как жизнь? – поприветствовал меня из-за решетки Желудь – невысокий коренастый мужик с белесым левым глазом и косым шрамом на лице. Местный авторитет.

– Все отлично. И каждый день все лучше и лучше, – кив-

нул я ему в ответ.

– Заткнулись! – рявкнул Носорог.

– Куда тебя ведет этот хмырь? – спросил Желудь, не обратив внимания на требование надзирателя.

– Понятия не имею. Наверное, боится мимо камер один ходить, вот и потащил меня как охрану.

Желудь ухмыльнулся, обнажив на удивление ровные зубы, верхние клыки из которых отливали стальным блеском. Насколько я знал, они были сделаны из какого-то редкого титанового сплава. Заключенный произнес:

– Палач ведет вертухая – вот это байка будет.

– Заткнулись, я сказал! – негромко, но с затаенной злобой процедил Носорог. В следующий миг в спину меня ударил легкий электрический разряд.

– Ну бывай, – попрощался Желудь.

– Увидимся, – бросил я через плечо.

– Не оборачиваться, – рявкнул Ллойд. – Смотреть прямо перед собой.

Мы дошли до конца коридора. Остановились перед дверью. Охранник приложил ладонь к сенсорной панели справа, и дверь с металлическим визгом поднялась.

– Пошел, – толкнул меня в спину Носорог.

Я глянул на парящего у потолка дрона с камерой и шагнул в проем. Одноглазый кругляш окинул меня беспристрастным взглядом и медленно повернул объектив в другую сторону.

В следующем коридоре было куда светлее и приятнее, хотя стены все так же отдавали строгим металлическим блеском. Но здесь их, наверное, протирали чаще или же материал пластин был другим. Да и не царапал их тут никто, как в блоках с заключенными. К тому же лампы с потолка светили чуть ярче.

Мы прошли мимо дверей, ведущих в другие жилые отсеки с заключенными. На каждой из дверей черной краской была выведена латинская буква. Блок, в котором мотал срок я, был гордо именован самой первой буквой алфавита. Когда мы минули дверь с буквой «G», надзиратель окликнул меня:

– Номер одиннадцать-сто-четырнадцать, стоять!

Я сделал еще два шага и остановился.

– Что, родной, запыхался? Давно говорю тебе: займись спортом, скинь килограмм двадцать. Пузо сойдет – член свой хоть впервые за двадцать лет увидишь. Ободок унитаза обоссывать перестанешь. Знаешь, как удобно?..

– Заткнись!.. Поворачивай направо.

Мы свернули в широкий коридор и медленно двинулись по нему. Впереди чуть правее находился вход в кабинет начальника тюрьмы. Похоже, Носорог действительно повел меня на встречу к местному повелителю судеб.

Остановились перед дверью. Ллойд коснулся сенсорной панели справа и громко отрапортовал:

– Сэр, это старший надзиратель Ллойд. Ваше указание выполнено. Номер одиннадцать-сто-четырнадцать здесь.

Ответа не последовало, однако дверь с тихим шелестом поднялась.

– Вперед, – толкнул меня в спину Носорог.

Я перешагнул порог и оказался в просторном кабинете. Здесь было минимум мебели: стол, стальной шкаф и неудобный стул с узкими подлокотниками.

– Спасибо, Ллойд. Можешь быть свободен, – произнес начальник тюрьмы по имени Джозеф Картер – широкоплечий мужчина лет пятидесяти с проседью в волосах и глубокими морщинами на широком, почти квадратном лбу. Он сидел за массивным стальным столом, расположенным посреди помещения. За его спиной над головой развевалось голографическое панно, изображающее эмблему Альрийской Федерации. На голоэкрane перед ним вертелось трехмерное изображение моего лица, а рядом пестрили строки с текстом и какие-то мелкие картинки. Он, похоже, изучал мое личное дело.

Носорог что-то буркнул под нос и вышел из кабинета. Дверь за ним закрылась.

– Чем обязан, господин повелитель обители угнетенных? – спросил я. – Давно не виделись. Неужели соскучились?

Начальник тюрьмы поднял на меня тяжелый взгляд, устало моргнул и кивнул на стул, сказав:

– Садись уже, шутник.

Я лениво прошагал до стула и сел.

– На тебя поступает много жалоб, заключенный номер одиннадцать-сто-четырнадцать, – произнес начальник тюрьмы. Сам он перевел взгляд на голоэкран и удрученно нахмурился. – Мне кажется, что мы с тобой договорились еще тогда, но ты опять принялся за старое. Ты забыл о нашем уговоре?

– Нет, господин Картер, я не забыл, – вздохнул я.

– Вот и славно, – сказал он и пристально поглядел на меня. – На самом деле я вызвал тебя не для того, чтобы читать нотации.

– Это радует, – чуть улыбнулся я. – Неужели холодного пивка предложите? Или, может, даже стаканчик виски со льдом?

– Хоксвелл, ты у нас, конечно же, на особом положении, но не настолько, чтобы я тебя виски поил, – произнес он. – Ты лучше скажи, как у тебя дела? Не надоело задницей камеру протирать?

Я ухмыльнулся. Невесело, даже скорее удрученно. Он что, издевается?

– Очень даже неплохо, – сказал я, продолжая ухмыляться. – Даже не думал, что на Отарисе есть такие курорты.

– И все же, я думаю... хотя нет, я уверен, что ты предпочел бы оказаться в другом месте.

Ухмылка моя начала таять, как лед в духовке. Картер медленно моргнул и продолжил:

– Ты отсидел восемь лет из своего пятнадцатилетнего сро-

ка. Я думаю, все, что ты должен был осознать, ты осознал. Или я не прав?

– Ну допустим, – кивнул я.

– Превосходно. – Начальник тюрьмы откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову.

Дает мне время переварить его слова? Какого черта он вообще затеял этот разговор?

– Господин Картер, я не понимаю, к чему вы клоните, – произнес я спустя паузу. – Я отбыл чуть больше половины срока, и у меня нет права на досрочное освобождение.

– Верно, – кивнул он. Облокотился о столешницу и снова пристально уставился на меня. – А что, если я скажу, что у тебя появился шанс все исправить? Человек твоих способностей не должен попусту терять время в застенках. Ты можешь принести куда больше пользы при иных обстоятельствах.

– Что вы от меня хотите? Скажите прямо.

Картер выждал паузу, словно что-то обдумывая. И заговорил снова:

– Недавно Совет по безопасности Альрийской Федерации инициировал новую секретную структуру. Я не знаю деталей, потому что мой уровень доступа слишком низок, да и не вхож я в те круги, но мне, как начальнику исправительного учреждения провинившихся государственных служащих было выдано особое поручение – предъявить списки более-менее опытных в военном деле заключенных. Вот я и подумал, не замолвить ли словечко за тебя. Тем более они

уже сами навели справки о тебе.

– Секретная государственная структура, говорите? Военная? – спросил я, крепко задумавшись. Не нравилось мне все это.

– Деталей я не знаю, но в общем и целом все так, – пожал плечами начальник тюрьмы.

– На кой черт государственному секретному учреждению понадобились уголовники? Мы же уже переступили черту закона, так с чего бы нам не повторить это вновь? Ведь это риски.

– Я думаю, им нужны опытные военные. У тебя, насколько я знаю, было немало регалий и заслуг. Поэтому ты – идеальный кандидат на эту роль. К тому же, ты будешь восстановлен в звании и должности, а твой срок отсидки обнулится.

– Обнулится, – усмехнулся я. – Но никто не вернет мне восемь лет жизни, уже спущенных в унитаз здесь.

– Прошное тебе не вернет даже сам Господь Бог, – развел руками Картер.

– Значит, вы предлагаете мне вновь поработать на Федерацию?

– Ну... у тебя есть такой шанс, да, – кивнул начальник тюрьмы. – Но воспользуешься ты им или нет – зависит от тебя.

У меня вновь перед глазами всплыла картина того несчастного дня, когда меня несправедливо осудили на пятнадцать лет. И теперь мне заново предлагают окунуться в это

дерьмо.

– Предложение, конечно, очень заманчивое, но во второй раз наступать на грабли, которые совсем недавно отбили мне лоб, я больше не хочу. Да и если честно, несет дерьмом от этого предложения, как от надзирателя Ллойда. Политиканы опять решили разыграть партию в покер, но теперь им нужны свежие карты. Я свое отыграл, спасибо.

Картер не сводил с меня пристального взгляда, и тут я внешне понял: он не просто решил сделать мне заманчивое предложение. Его заставили. Или есть еще какая-то причина.

– Ты, похоже, кое-чего не понимаешь, Хоксвелл. Неужели восемь лет в застенках выветрили из твоей головы последние остатки здравых мыслей? У тебя есть шанс изменить свою жизнь, понимаешь? С тебя снимут кандалы, обнулят все обвинения, вернут звание и почет. Ты будешь получать ежемесячное жалование, как и полагается военному. Ты задумывался о том, что ждет тебя после тюрьмы? Хоть раз думал об этом?

– Думал. И не раз, – сухо ответил я.

– Замечательно. И какие у тебя перспективы, как ты считаешь?

Я молчал. Картер давил на больные точки. Давил сильно, но я все смогу стерпеть.

– Максимум, на что ты можешь рассчитывать – это третьесортное наемничество. Сам знаешь, какие там риски и ка-

кой заработок. Ну, возможно, еще пойдешь по криминалу, но там вероятность успешного исхода еще меньше. Ты станешь разменной монетой, Хоксвелл. Биомусором.

– Именно таковым меня и сделало ваше правительство. А вы предлагаете вновь упасть к нему в ноги и вымаливать подачку. Не будет этого. Я спокойно отсижу оставшиеся семь лет и пойду своей дорогой. Ни с армией, ни с какими бы то ни было государственными службами я связываться больше не намерен. Они не ценят простых солдат, так почему же простые солдаты должны ценить их?

Начальник тюрьмы моргнул, наверное, впервые с начала разговора. Потом он откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул, и во вздохе этом отразилась вселенская печаль. Похоже, мое согласие на эту сомнительную работу ему было жизненно необходимо выбить из меня. Помолчав с четверть минуты, он заговорил снова, но теперь его голос звучал тихо и почти безжизненно:

– Беннер будет участвовать в этом проекте. Он уже подписал контракт.

– Бен? Ваш брат? – спросил я, искренне удивившись. Джозеф Картер кивнул, став мрачнее грозовой тучи.

Мои губы непроизвольно растянулись в улыбке. Теперь мне все стало ясно.

– С этого и надо было начинать, господин Картер, – произнес я. – Ваш брат, как всегда, полез в пекло, и вам теперь нужен кто-нибудь, кто смог бы присмотреть за ним.

Начальник тюрьмы болезненно сморщился и снова тяжело вздохнул.

– При всем уважении к нему... но я не нянька-андроид, чтобы подтирать ему зад. Однажды я спас ему жизнь, потому что должен был. Бен – славный парень, но ему не хватает хватки. Неужели за то время, что я пробыл на курорте, он так ничему и не научился? Он ведь всего на четыре года младше меня, если я не ошибаюсь.

– Научился. И многому, – кивнул начальник тюрьмы, подался вперед, положив локти на стол и уставившись в меня неморгающим взглядом, в глубине которого прослеживалась немая мольба. – Но... понимаешь, Хоксвелл, я за него беспокоюсь. Чуть больше чем через месяц, как тебя отправили к нам, уже в самом конце войны, он получил легкое ранение. Его перевели в тыл. Хотели вообще списать со службы, но он отказался. Через несколько лет его повысили в звании, а недавно он получил старшего лейтенанта. Сидел бы себе и дальше, но нет, зуд в заднице не дает ему покоя. Сожалеет, что не успел, как он любит выражаться, «внести свой вклад в победу». А когда правительство инициировало этот проект, он сразу же загорелся желанием поучаствовать.

– Победу, – хмыкнул я. – Неужели он это так называет? Просто у обеих сторон кончились ресурсы, вот они и решили завершить войну.

– Формально победившая сторона – Альрийская Федерация. Да и какое это имеет значение в нашем разговоре?

– Никакого, – покачал головой я.

Повисло молчание.

– Ну так что? – спросил Картер.

– Что? – повел бровью я.

– Не строй из себя идиота, Хоксвелл. Не заставляй тебя умолять.

– А что... было бы забавно. Зайдет внезапно Носорог или другой вертухай, а вы на коленях передо мной стоите, а слезы из глаз так и льют, так и льют. Зрелище запоминающееся.

– Не забывай о субординации, заключенный номер одиннадцать-сто-четырнадцать, – чуть похолодевшим голосом произнес начальник и опять моргнул. – Молить, разумеется, я тебя не стану. Пока что только прошу. По-человечески. Все эти годы, что ты провел здесь, я создавал для тебя приемлемые для нормальной жизни условия. Я ничего не просил взамен. Я был благодарен тебе за Беннера. Всегда. Да и он отзывался о тебе только в положительном ключе. Теперь же пришло время платить, Хоксвелл. Тем более что плата для тебя вполне подъемная. В плюсе останутся все: тебя, как я и сказал, восстановят в звании и должности, а мой брат окажется под твоим надежным прикрытием. Все честно.

– Если бы все всегда было честно, я бы вообще не сидел здесь, – произнес я.

– Вполне возможно, – пожал плечами начальник тюрьмы и уныло усмехнулся. – В таком случае и меня бы здесь не было. Если все честно, то тюрьмы не нужны. Но мы здесь и

работаем с тем, что имеем. И... Хоксвелл, прекрати уводить тему разговора.

– Я уважаю вашего брата, господин начальник. Он сильно отличается от вас. Я бы не удивился, если бы узнал, что у вас разные родители. И все равно, я отклоняю ваше предложение. Я больше не собираюсь служить государству, которое вместо того, чтобы наградить, отправило одного из своих преданных и рьяных бойцов гнить в тюрьму. Я больше не солдат.

Джозеф Картер пристально смотрел на меня с четверть минуты, а потом вновь откинулся на спинку кресла, опустошенно вздохнул и прикрыл глаза ладонью. Потер лоб, помолчал еще с пару мгновений и чуть севшим голосом произнес:

– Тогда у меня больше нет к тебе вопросов. Но знай, заключенный одиннадцать-сто-четыренадцать, сладкая жизнь в Платосе отныне для тебя закончена. – Потом он коснулся сенсора на столешнице и громко позвал: – Старший надзиратель Ллойд, попрошу вывести заключенного из моего кабинета.

Носорог явился через пять секунд. Многозначительно глянул на Картера и едва заметно кивнул. Затем грубо потянул меня за плечо, толкнул в спину и вывел в коридор. Когда дверь в кабинет начальника тюрьмы закрылась, он еще раз толкнул меня в спину и процедил:

– Ну что, говнюк, прошло твоё время. Теперь будешь таким же дерьмом, как и все тут.

– Не волнуйся, до твоего уровня мне еще очень далеко, – парировал я.

Шокер-дубинка взмыла надо мной, а потом в бок пришелся сильный электрический разряд. Я охнул, меня подкосило влево, ноги стали ватными, а по всему телу стремительно пронеслась волна боли.

Надзиратель приблизился ко мне. Вцепился в плечо толстыми пальцами и наклонился. Его рот оказался у моего левого уха:

– Долгие восемь лет я ждал этого момента. Ну давай, скажи еще что-нибудь, оскорби или попытайся воспротивиться. Никто теперь тебя не спасет, – с наигранной тошнотворной нежностью прошептал он мне на ухо.

– Я понимаю, что ты любишь пожестче, и даже одобряю это, но извини, сегодня я не в духе, – сдавленно проговорил я.

– Я не расслышал, заключенный одиннадцать-сто-четырнадцать, ты отказываешься идти в камеру? Я правильно тебя понял? – чуть ли не прокричал Носорог.

Вот же ублюдок!

Новый удар шокер-дубинкой оказался сильнее предыдущего. Из моей глотки непроизвольно вырвалось глухое мычание. Я больше не смог держаться на весу и рухнул на холодный пол.

– Встать, заключенный одиннадцать-сто-четырнадцать! – проревел надзиратель.

Я попытался пошевелиться, но не смог. Электрический разряд все еще трепал мое тело.

– Ты опять игнорируешь мой приказ? – снова повысил голос Носорог.

– Ур-р-р-од, – сквозь зубы процедил я.

– Что ты сказал? – Ллойд наклонился надо мной, как великан над карликом.

Конечности по-прежнему меня не слушались, но вот лицевые мышцы уже начали нормально функционировать. Я собрал как можно больше слюны во рту и ото всей души харкнул точно в рожу надзирателю.

Ллойд не ожидал подобной выходки. От неожиданности отшатнулся, а его лицо на краткий миг приняло растерянный вид. Но через секунду он все же пришел в себя, и его глаза засверкали злобой.

– Ах ты ж сука! – выплюнул он и снова врезал мне дубинкой, попав на этот раз в лицо.

Прежде чем отключиться, я услышал громогласный возглас начальника тюрьмы, выпрыгнувший из динамика под потолком как джинн из лампы: «Отставить!». Боль я не успел почувствовать, потому что почти сразу меня накрыла прохладная тьма забвения.

Глава 2

Противный надрывный гул, оповещающий о наступлении утра, влетел в уши необтесанным булыжником. С этого момента пошел отсчет пяти минут, за которые заключенные должны были подняться со своих шконок, протереть сонные рожи, умыться, сходить в туалет и выстроиться в шеренгу у входа в камеры. После чего последует построение и утренняя перекличка – идиотское правило, которое изжило себя уже полтысячи лет назад, если не больше. Куда мы убежим с планеты-тюрьмы?

Правую часть лица саднило, голова словно была наполнена холодным свинцом. Я приоткрыл глаза, чтобы в очередной раз узреть полумрак своей камеры. В мышцах еще трепыхалась легкая боль, но шевелиться я мог вполне нормально. Правда, все тело было наполнено усталостью, будто я накануне отпахал три смены подряд. Побочный эффект чертового шокера.

Снизу раздался недовольный голос Митриса, слышалось шуршание. Я тоже приподнялся и начал неохотно спускаться со шконки.

– Очнулся все-таки, – хмыкнул заключенный, скосив на меня взгляд.

– Утренний сигнал разбудит даже мертвеца, – кивнул я и

поморщился. Едва мне стоило коснуться лица, как по правой стороне от скулы до подбородка словно прошелся электрический разряд. Все же нехило вчера приложился Носорог своей дубинкой. Чтобы сбить злость, я ярко представил, как однажды засуну ему этот шокер в задницу. Сразу же легало.

– Ну и придурок же ты, Алекс, – укоризненно покачал головой Митрис. – Дотягвался-таки, наконец. А я ведь говорил, что рано или поздно по морде получишь. Сидел бы тихо и незаметно, как я, никто бы тебя и пальцем не тронул.

– Да неужели?.. – хмыкнул я. – А не тебе ли две недели назад по почкам так надавали, что ссать не мог? Забыл уже?

– То было за дело, – отмахнулся сосед по камере, нахмурился и резко отвернулся. – Да и не так уж сильно надавали. Всегда можно потерпеть.

– Будешь терпеть – будет задница всегда болеть, – усмехнулся я и подошел к решетке. С минуты на минуту она должна открыться.

– Уж лучше задница, чем рожа, – пробурчал Митрис.

– Ну это кому как, – пожал плечами я.

Снова прозвучал режущий ухо сигнал, и прутья решетки опустились. Я привычно убрал руки за спину и сделал два шага вперед. То же самое проделал Митрис и встал рядом со мной.

– Не знаю, что ты там вчера наговорил Носорогу, что он так тебя избил, но чувствую, что теперь из-за тебя и мне про-

блем по горло будет, – шепотом произнес сосед по камере. – И почему нельзя держать язык за зубами?

– Будут проблемы – потерпишь. Ты ведь привык терпеть, – сказал я негромко.

Из других камер тоже стали выходить заключенные и вставать в одну шеренгу рядом друг с другом. Рожи у всех недовольные, заспанные. Взгляд пустой, смиренный.

Появился надзиратель. Не Ллойд, а другой. Его сменщик. Высокий, худощавый и широкоплечий. Не в пример Носорогу. За глаза заключенные звали его Падре, а по-настоящему его имя звучало как Мафусаил-Калерб. Во всяком случае, именно так он заставлял нас к нему обращаться.

– Ну что, арестанты, вот и настало новое утро. Ваш срок стал еще на один день короче, а ваши заблудшие души – еще немного чище. Мои поздравления, – прозвучал его ровный глубокий голос.

На первый взгляд можно было подумать, что Падре, в отличие от Носорога, куда более справедлив, но это ощущение на проверку оказывалось обманчивым. Под личиной праведника скрывался лютый маньяк, наказывающий заключенных за любой мало-мальски пустяковый проступок ударом шофера в пах и приговаривающий при этом, что на все это есть воля божья. Меня он по понятным причинам не трогал, но как только я отпускал в его адрес какие-нибудь шуточки, он натужно сопел и приговаривал, что придет время, и судья небесный покарает меня за мой грязный язык.

После прочтения недолгих нотаций Падре начал нас пересчитывать, медленно прохаживаясь вдоль шеренги и сверяясь со списком в голопланшете. Три бдительных дрона следили за его действиями, не отрывая от нас своих бездушных взоров. Раньше я постоянно задавался вопросом, почему бы тюрьму полностью не автоматизировать, отдав на откуп дронам и андроидам, но потом мне стало на это наплевать. К тому же отсыпать колкие шуточки всегда приятнее живым людям, нежели бездушным железкам.

После переклички нас погнали в столовую на завтрак. Мы двинулись шеренгой, как обученное стадо волов.

– Заключение одиннадцать-сто-четырнадцать, – обратился ко мне надзиратель, выставив перед моим лицом шокер-дубинку. – Выйти из шеренги. Подойти ко мне.

– Что случилось, ваше преосвященство? Свои грехи замололи, теперь решили взяться за мои? – спросил я. Неподалеку кто-то сдавленно хохотнул.

На лице Мафусаила-Калеба не дрогнул ни один мускул. Он смерил меня оценивающе-придирчивым взглядом и покачал головой. Выждал несколько секунд и произнес:

– Все никак не можешь усмирить своих демонов, арестант?

– Угу, – кивнул я. – Шалят, окаянные.

– Так я могу помочь. Для этого есть хорошее средство. Проверенное, – сказал он, постучав по черному полимерному корпусу шокер-дубинки. – Я этот жезл денно и ночью

замаливаю, чтобы у подобных тебе падших душ был шанс очиститься. А вы все никак не внемлете мне.

– Я уж лучше своими демонами сам займусь. Не нужно их изгонять, ваше святейшество, – натянуто улыбнулся я. Лицо еще помнило вчерашние побои, повторять подобное не было никакого желания. К тому же я знал, что от Падре можно ожидать чего угодно. Особенно после вчерашнего инцидента – ему, скорее всего, как и Носорогу, дали добро на проведение воспитательных работ в отношении меня. Падре же в свою очередь будет только рад такой возможности. Тем более, он давно на меня зуб точит.

Помню, однажды он повалил заключенного и начал дубасить шокером, выкрикивая какие-то отрывистые звуки. Его еле оттащили трое охранников. Еще был случай: как-то раз на прогулке он подозвал к себе заключенного, что-то сказал ему, а потом со всей силы врезал дубинкой в пах, развернулся и как ни в чем ни бывало ушел, насвистывая заунывную мелодию под нос. У него явно проблемы с психикой. И почему начальник тюрьмы его терпит?.. С другой стороны, надзиратели добрыми быть не должны. И мелкие побои, и прилюдные унижения заключенных всегда приветствуются.

Еще бы понять, что этому фальшивому святоше нужно? Неужели Картер приказал снова привести меня к себе?.. Да нет, вряд ли. Я вчера ему ясно дал понять, что в его игры играть не стану. Да и наказал он уже меня.

– Для тебя есть важное сообщение, заключенный одина-

дцать-сто-четыренадцать, – произнес Мафусаил-Калев.

Ну вот, начинается. Сейчас он скажет что-то в духе: моя прекрасная жизнь в тюрьме закончилась, а дальше меня будут ожидать только адские муки.

– Ну что начальник тюрьмы хочет от меня на этот раз? Я ему вчера все объяснил.

– Причем здесь господин Картер? – озадаченно нахмурился Падре. – У тебя сообщение с воли. С красной пометкой. Я решил, что тебе это необходимо знать. У нас есть регламент, по которому мы обязаны оповещать заключенных, если к ним приходят срочные письма.

Теперь пришло мое время озадаченно пялиться на надзирателя.

– На мое имя пришло письмо с пометкой «срочно»?

– Да.

– Но... от кого?

– Это известно лишь Господу, ну и отправителю письма, разумеется, – развел руками надзиратель. – Но моя работа – отвести тебя в переговорную комнату. Так что давай, топай.

Я озадачился еще больше. Про регламент срочных писем я слышал, тем не менее, меня все равно удивила поспешность выполнения надзирателем своих обязанностей. Раньше за подобным ни он, ни Носорог, ни кто-либо другой замечены не были.

Мы двинулись в переговорную комнату. Прошли по главному помещению до конца и свернули в узкий коридор, ко-

торый мы называли «дорогой в прошлое» и который заканчивался стальной дверью. По этому коридору я ходил не чаще одного раза в два месяца, как позволял этот чертов тюремный регламент, и от последнего моего визита прошло едва ли чуть больше трех недель.

Подгоняемый надзирателем, я шел по «дороге в прошлое», и моя тревога с каждым шагом нарастала. В этом мире не так много людей, которым было все еще не наплевать на заключенного Алекса Хоксвелла, посмеявшегося нарушить приказ командования и за это лишившегося почти всех благ цивилизации. Родители и друзья детства погибли при бомбардировке Лямории. Оставался еще дядька со стороны отца, который покинул родную планету задолго до начала войны, но от него я не получал вестей уже много лет. Да и он всего один раз еще в самом начале моего заключения отправил мне письмо с соболезнованиями и пожеланиями не падать духом. Спасибо, мать твою, больше. Без его напутствий я бы не справился. Впрочем, мне всегда было на него наплевать, как и моему отцу.

В результате, если не кривить душой и быть честным с собой до конца, то в мире оставался только один человек, которому я был небезразличен. И с ним, а вернее с ней, я уже выходил на связь в упомянутые три недели назад.

– Шевелись, заключенный, – толкнул меня в спину концом дубинки Падре. – Иисус всегда говорил, что тот, кто не торопится жить, стремится к самоубийству. А самоубийство

– грех.

– Не носи бред, святой отец. Иисус ничего подобного не говорил. Ты это только что придумал, – сказал я.

– Закрой рот, – с затаенной угрозой посоветовал Мафусаил-Калев.

Мы как раз дошли до двери, и надзиратель коснулся ладонью сенсорной панели справа. Стальная пластина со стальным визгом поднялась.

– У тебя пять минут. – Он снова толкнул меня в спину, я сделал пару шагов вперед, и дверь позади меня закрылась.

Переговорная комната представляла собой квадратное помещение площадью девять квадратных метров. С голых серых стен местами облезла краска. Один из трех светильников, тускло взирающих на несчастных заключенных с потолка, не работал.

Сюда не помешало бы поставить кресло или хотя бы стул, но заключенным такая роскошь не полагалась, поэтому все голописьма и аудиосообщения приходилось принимать стоя.

Лампы начали быстро тускнеть, предвещая запуск сообщения, и в груди у меня тревожно закололо. Чертова красная пометка не давала покоя.

Пространство в середине помещения мелькнуло, а через миг на этом месте появилось голографическое изображение знакомого мне силуэта. Ошибка исключалась – я слишком хорошо знал ее фигуру и каждый изгиб тела. Еще через миг изображение стало четче, и передо мной предстала она –

Кларисса Вон. Среднего роста девушка с черными длинными волосами, правильными чертами лица и немного раскосыми глазами. С тех давних пор, когда я видел ее в последний раз, она почти не изменилась. Ей уже было чуть за тридцать, но благодаря хорошей генетике выглядела она едва ли на двадцать три. Ее полупрозрачный силуэт, от которого исходило привычное голографическое свечение, чуть подрагивал.

Именно благодаря этой девушке я еще окончательно не утратил смысла жизни и знал, для чего просыпаюсь каждый день. И уж точно благодаря ей тяготы тюремной жизни переносились гораздо легче.

– Привет, Алекс, – прозвучал ее мелодичный голос, усиленный динамиками. Между тем я отметил, что в нем проскользнула легкая тревога. Хотя, возможно, мне это только показалось.

Девушка выждала короткую паузу и вздохнула. До этого она смотрела прямо, и мне казалось, что ее взгляд направлен на меня. Но потом она резко опустила голову и снова вздохнула. Подняла взгляд, и в нем теперь ясно читалась вымученная тоска.

– Я понимаю, что ты удивлен этому сообщению. Возможно, даже немного встревожен. Но я... – снова выждала короткую паузу и чуть покачала головой. – Я не могу больше ждать. Знаешь, эта такая мука – хотеть сказать нечто важное, но постоянно откладывать. Но теперь я готова. Точно готова.

Легкая дрожь в голосе Клариссы мне совсем не нравилась. Удары моего сердца стали стремительно набирать обороты. Я ощутил, как во рту начало сохнуть.

– Все эти годы, Алекс, все эти долгие восемь лет я мечтала лишь об одном – чтобы ты, наконец, вернулся. Десятки раз я представляла, как встречаю тебя после твоего освобождения. Обнимаю, целую. Я мечтала, что мы с тобой улетим на какую-нибудь далекую планету Федерации подальше от суматохи, политики и постоянных распрей. Проигрывала это в голове раз за разом.

Девушка умолкла и снова опустила голову, потом подняла. Ее взгляд отражал вселенскую тоску, но такую тоску, с которой она уже справилась. Осталось сделать лишь последний рывок – и все. И она его сделала, сказав:

– Мы расстаемся, Алекс. Да. Для тебя это, конечно, станет ударом, но я решила нанести его тебе. Во всяком случае, лучше так, чем просто внезапно пропасть, как будто меня никогда и не существовало. Признаюсь, поначалу именно так я и хотела поступить, но потом подумала и решила, что сказать все лоб будет правильнее. Ты сильный, Алекс. Ты справишься. Мы оба это отлично знаем. Не будь ты таким, то не решился бы на то, из-за чего попал в тюрьму...

Кларисса снова взяла паузу. Ее взгляд изменился. Исчезла тоска, растаяла как утренняя дымка тревога. Она вдруг внезапно набралась сил и уверенности. И я понял: она, как и почти все те, кто меня окружал и был дорог, тоже винит

меня в моем поступке. Все дело лишь в том, что она не хотела этого показывать раньше, возможно, даже запрещала сама себе. Но теперь запреты сняты, маски сброшены. Теперь дозволено все.

– У меня к тебе будет всего одна просьба, Алекс, – продолжила она спустя показавшуюся вечной паузу. – Придет день, и ты выйдешь из тюрьмы. У тебя будут вопросы, на которые ты захочешь получить ответы. Я прошу тебя, умоляю ради всего того светлого, что было между нами, не пытайся отыскать меня. Надеюсь, те пятнадцать лет, которые ты проведешь в застенках, научат тебя многому, и ты выполнишь мою просьбу. Сейчас ты зол и опустошен, но придет время, и раны заживут. Они всегда заживают. Не думай, что мне было легко принять это решение. Я очень долго готовилась к нему. Но пойми, дальше так продолжаться больше не может.

Кларисса снова умолкла. Я неотрывно смотрел на ее голографическое изображение и ясно увидел, как в ее глазах заблестели слезы.

– Прости меня, Алекс, – произнесла она, и ее голос дрогнул, глаза уже откровенно наполнились слезами. – Не сможешь сейчас, то получится потом. Ты справишься со всем. Мы вместе справимся. Когда-нибудь ты поймешь меня. А теперь прощай. Навсегда.

Она замолчала, а через миг голографическое изображение вздрогнуло и пропало. От резко померкшего света вокруг стало темно, как в старом подвале.

Через миг снова загорелись лампы. Дверь в переговорную комнату раскрылась, раздался голос надзирателя, требующий выйти наружу. Я же не смог сдвинуться с места. Мое восприятие пошатнулось. Все вокруг забегало, замелькало. Я словно выпал из реальности...

– Пятнадцать лет?.. – проговорила Кларисса с таким чувством, будто ей только что сообщили о смерти близкого человека. Лицо исказила гримаса ужаса. Это было отчетливо видно даже сквозь иллюзорное изображение, транслируемое голопередатчиком.

Я медленно кивнул, не найдя в себе сил произнести еще хоть слово.

– Боже, Алекс... – протянула она и заплакала, ее прекрасное личико скривилось, скукожилось, сминаемое болью и отчаяньем.

– У меня осталось право последнего звонка, вот я и решил сообщить тебе о наказании сам. На днях ты получишь официальное подтверждение, – сказал я, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться. Первичный шок от осознания фатальности происходящего уже прошел, но я по-прежнему опасался резкой и безапелляционной реакции на все это со стороны Клариссы. Смотреть, как она мучается, было куда более тяжелым испытанием, но осознавать, что я здесь и сейчас могу

потерять ее навсегда, было еще страшнее.

– Хорошо... хорошо... – заговорила она спустя четверть минуты. Ее веки были опущены, даже сжаты, лицо кривилось так, словно она испытывала едва сдерживаемую боль. – Мы найдем хорошего адвоката, и он во всем разберется. Если нужны деньги, я найду их...

– Нет, Кларисса, никакой адвокат уже не поможет. Это военный трибунал, а он работает совсем по иным законам, нежели гражданский суд. Но ничего, зато у меня теперь появится время, чтобы как следует выспаться, – на последних словах я еле-еле выдавил из себя улыбку. Искусственную и жалкую.

Клариссу это ничуть не развеселило. Тревога из ее взгляда никуда не делась, напротив, ее стало еще больше.

– А досрочное освобождение?.. Разве ты не имеешь на него право?.. У тебя столько заслуг перед Федерацией... – в ее взгляде вспыхнула надежда, которую через миг мне пришлось безжалостно раздавить.

– Нет. Это военный трибунал, здесь такого нет. Мне придется отбывать наказание все пятнадцать лет и ни днем меньше.

Девушка накрыла лицо ладонями, всхлипнула. Потом еще раз и еще. И уже через мгновение она зарыдала.

– Кларисса, перестань, – попытался успокоить ее я, но поток эмоций уже было не остановить. Как же мне хотелось ее обнять и прижать к груди!.. За эту возможность я бы отдал

еще пятнадцать лет жизни.

– Зачем, Алекс?.. Зачем ты убил тех локсийцев? – прокричала навзрыд она.

– Я... должен был это сделать, – твердо сказал я. – Они сожгли нашу планету.

– Пятнадцать лет, Алекс! Пятнадцать лет! Это целая жизнь! Целая вечность! И она пройдет без тебя! – девушка снова заплакала, закрыв лицо руками.

Мне было больно на все это смотреть, невыносимо слушать, а главное – осознавать. Ведь Кларисса была во всем права. Пятнадцать лет – это вечность, которую мне предстояло провести в четырех стенах у черта на рогах. Без нее.

Я молчал, чуть опустив голову. На душе было так погано, что я даже подумал о том, что зря позвонил Клариссе. Нужно было отправить ей сухое одностороннее голосообщение без лишних пояснений. Она бы, конечно, все равно попыталась узнать подробности, но к тому времени эмоции уже улеглись бы, и все, возможно, сложилось бы куда проще.

Но я снова решил пойти по сложному пути, доказывая невидимому сопернику, что нет той силы, что способна сломить меня. Нет страха и сомнений. Нет нужды ни перед кем отчитываться. Да и если кому-то что-то доказывать, то только самому себе.

Когда спустя немного времени рыдания прекратились, девушка аккуратно вытерла слезы, негромко шмыгнула носом, поглядела на меня чуть припухшими глазами и осипшим го-

лосом произнесла:

– Хорошо, Алекс. Я принимаю твое решение и твою судьбу. Как и всегда. Пятнадцать лет – значит, так тому и быть. Я справлюсь. Мы вместе справимся.

Девушка вымученно улыбнулась, а за ней растянул губы и я.

Именно это я и хотел от нее услышать.

Именно это и наполнило меня новыми силами и смыслом жить дальше.

Все время после отбоя я не смыкал глаз. Неотрывно смотрел в потолок, не видя ни его, ни что бы то ни было вообще. Мой мир рухнул. А новый построить было не из чего и не на чем.

Восемь долгих лет я жил одним мигом – что когда получу свободу, то сразу же сожму в объятиях Клариссу. Но теперь все это осталось лишь в мечтах. От меня отвернулись все, кто когда-то был дорог. Самое время начать сожалеть о своем поступке, из-за которого я и попал сюда.

Но я не сожалел.

Когда эмоции улеглись, я задумался о своей дальнейшей судьбе. Перспектива коротать еще семь лет в застенках казалась теперь немыслимой. И бессмысленной.

Пошло оно все к черту...

Я приподнялся со шконки и громко прокричал:

– Носорог!

Эхо заскользило по пустым коридорам и растаяло в тишине.

Я поднялся и спрыгнул на пол.

– Носорог! Иди сюда, жирный кусок дерьма! – еще громче произнес я.

– Какого черта, Алекс?.. Ты спятил? – возмутился Митрис, подав голос с нижней шконки.

– Носорог! Я знаю, что ты наярываешь на голофото свой бабушки. Оторвись уже и подойди ко мне, – снова позвал я надзирателя, проигнорировав соседа по камере.

– Ты точно спятил, придурок. Зачем ты его злишь? – Митрис, вжался в свою лежанку, старательно делая вид, что он и одеяло – одно целое. – Мало тебе было вчера? Ну жди-жди... Сегодня этот хрен тебя отделает по полной. Так отделает, что мать родная не узнает.

– Закрой хлебало, ссыкло, – бросил я и снова прокричал: – Носорог! Не заставляй меня ждать!

– Теперь понятно, почему тебе кликуху «Палач» дали. Я-то все думал из-за того, что ты тех локсов порешил, а оказывается, что не из-за этого. Ты сейчас сам себя казнишь, идиот. Палач для самого себя.

Через миг по всему коридору раздалось эхо внушительных шагов Ллойда. Он принял мой вызов. Я подошел к решетке и положил ладони на прутья. Бодрящее чувство пред-

вкушения грядущего события закопошилось в животе и начало быстро подниматься вверх, к голове. От возбуждения у меня застучало в висках.

– Вот и конец тебе, – с нескрываемым злорадством пробубнил Митрис и накрылся одеялом по самый нос.

Звук шагов становился все ближе и ближе...

– Ну все, номер одиннадцать-сто-четырнадцать, ты доигрался! – пригрозил Носорог, появившись в поле зрения. В правой руке он стискивал шокер-дубинку, которая искрилась молниями на конце. Мощность заряда он выкрутил на максимум.

В его глазах сверкала злоба и, что меня сильно удивило, затаенная обида и даже растерянность. Похоже, такой наглости он от меня не ожидал.

Прежде чем надзиратель поднес ладонь к сенсорной панели, открывающей решетку моей камеры, я громко и отчетливо, чтобы даже дегенерат понял, что я хочу до него донести, произнес:

– Я позвал тебя не просто так, жирный ублюдок. Я хочу, чтобы ты передал начальнику тюрьмы важное послание. Иди, поцелуй его в задницу и скажи, что я принимаю его предложение. Ты слышишь меня, кусок дерьма? Я принимаю его предложение!..

Глава 3

Нас привезли на планету, с которой все началось. Так однажды отец назвал Землю. В отличие от большинства жителей отдаленных миров Федерации, я никогда не мечтал посетить столичную планету. В детстве меня, наоборот, манило все неизведанное и неизученное. Я представлял, как стану первооткрывателем новых колоний. Как буду первым спускаться с трапа звездолета, чтобы воткнуть синий флаг с изображением желтого круга и звезд в рыхлую почву. Или вобью его в прорезь скалы, если того потребует ситуация. Грезил, как меня будут награждать за мои подвиги. Как станут называть новые планеты в мою честь: Хоксвелл-1, Хоксвелл-2, Хоксвелл-3... и так далее до девяти. И все они будут не только богатыми на ресурсы, но и окажутся пригодными для колонизации и последующего заселения. Еще в юном возрасте я решил, что открою девять планет. Почему именно столько – не знаю, но это число мне нравилось больше остальных. При этом в своих мечтах после тяжелых трудовых будней исследователя я всегда возвращался на Ляморию, ведь для меня все началось именно оттуда.

Реальность же распорядилась со мной немного иначе. Я не стал исследователем и первооткрывателем, но, будучи военным, все же умудрился посетить несколько альрийских и

локсийских миров. Но на Земле не бывал ни разу. До сегодняшнего дня.

Земля встретила нас теплым наэлектризованным воздухом с техническим запахом, прогорклой удушливостью и ослабленной гравитацией. За восемь лет жизни на Отарисе я привык к тяготению в 1,2 жэ, и теперь эта разница в две десятых ощущалась прилично. Да и воздух на тюремной планете, которая представляла собой небольшой каменистый шар с частичным терраформированием, неведомо кем закинутым в космос, казался намного чище земного.

После того, как я дал добро на участие в проекте, меня на следующий же день перевели в другую камеру, в которой уже находилось трое заключенных. Через день к нам подселили пятого, а еще через сутки все мы подписали предварительные контракты на участие в проекте, детали которого нам собирались раскрыть позже, когда мы прибудем на столичную планету Федерации. Все это пахло какой-то аферой, но мы согласились.

И вот мы здесь, в космопорте какого-то крупного мегаполиса, спускаемся по трапу и дышим тяжестью всего того технического прогресса, которого добилась Альрийская Федерация за более чем полтысячи лет своего существования после тяжелых распрей, завоеваний и политических делений и слияний. Последняя война, которую после ее завершения называли Первой Межгалактической, словно предвещая новые военные конфликты в будущем, тоже внесла немало сво-

их корректив. Насколько я знал, на саму Землю вторжений не было, но ее ресурсы и экономический потенциал довольно сильно истощились. Это ощущалось во всем – начиная от грязных улиц космопорта и заканчивая задымленностью неба в отдалении. Возможно, причины всего этого заключались в ином, но чувствовалось все именно так.

– Не сворачивать, идти прямо, – распорядился наш новый надзиратель. Его за нами прислала та самая государственная структура, на которую мы в скором времени должны будем работать и настоящее название которой от нас пока еще утаивалось. Он был немногословен, суров и походил больше на боевого андроида, чем на человека. Себя он велел называть мистером Зедом, но мы уже окрестили его иначе – мистером Задом. И не только потому, что новое прозвище было созвучно с его именем, а скорее из-за того, что плелся он всегда в конце нашей небольшой группы.

Мы шагали колонной – четко друг за другом. Ни энерго-наручников, ни ошейников, ни прочих устройств сдерживания заключенных на нас не навешали. Мы оделись пограждански, в неброскую темную одежду. Из личных вещей нам с собой брать ничего не разрешили, сказав, что все необходимое мы получим по прибытии на Землю. Говорить между собой нам не запрещалось, но и не приветствовалось. Мистер Зад то и дело обрывал наши короткие реплики, напоминая иногда, что пока мы полноценно статуса арестантов не лишились, а значит должны полностью соблюдать все его

требования. Оружия никакого при себе он не имел, но интуиция подсказывала, что оно ему и не нужно – он сам был ходячим оружием.

Минули несколько зданий космопорта и свернули в проулок. Здесь нас ожидал пассажирский черный флаер без каких-либо опознавательных знаков и с затемненными окнами.

– Вы нас как будто похищаете, – усмехнулся Олуш – уж не знаю настоящее это было имя или нет, но его так называли все без исключения. Лет ему было за сорок. Сложение имел статное: высокий, широкоплечий, с короткой черной щетиной на впалых щеках и подбородке с глубокой ямкой.

– Угу, увезут твою тушу на бойню, – сказал Коннор Лински, которого все звали Лис – худощавый мужик лет тридцати, с густой копной рыжих, поблескивающих медью волос, которые он обрабатывал каким-то средством, неведомо откуда берущимся в застенках Платоса. Его серые глаза всегда таили какой-то секрет, а нестираемая ухмылочка, в которой прослеживалась нотка высокомерия, порой даже раздражала.

– Да кому вы нужны, – махнул рукой я. – Разве только унитазы чистить.

– Я готов чистить унитазы, но только если вместо щетки будет рожа начальника Платоса, – густо заржал Олуш.

– Хоть бы сказали, что это за город, – добавил Линк – невысокий и щуплый парень двадцати трех лет или чуть

больше от роду. Взгляд у него был хитрый, прищуренный. Кожа бледная, почти белая, зато лицо и шея густо усеяна крупными пигментными пятнами. Он постоянно озирался, словно ждал какого-то подвоха со стороны. В Платосе я с ним пересекался редко и даже не здоровался, но поговаривали, что он был кибертехником в отряде особых войск и имел даже первый уровень псионика. К псионикам заключенные, как и любые люди в принципе, относились с подозрением и даже с опаской, поэтому с ним особенно никто дружбу не водил и зачастую все старались держаться от него подальше. Тюремные прилипалы его тоже не трогали. Пока нас везли с Отариса на Землю я с ним пообщался, и на первый взгляд он не вызвал у меня опасения. Но что-то странное в нем все же было. Его словно окутывал невидимый ореол, вызывающий неконтролируемую тревогу.

– Залезайте во флаер, – сухо сказал мистер Зад. Дверца плавно отъехал в сторону, и мы начали по одному заходить в широкий проем.

– Просторненько, – заметил Лис, ухмыляясь и озираясь по сторонам. – Давно я в люксе не катался.

– Давно... – усмехнулся Олуш. – Скажи лучше «никогда».

– Это с твоей рожей тебе светит только «никогда». Я же до Платоса посещал довольно цивилизные места и перемещался исключительно на флаерах представительского класса, – парировал Коннор.

– Заливай больше, рыжий урод, – густо заржал Олуш.

– Закройте свои лживые рты оба, – строго потребовал Ханжа – последний из нашей пятерки. Пухлый мужик лет сорока с круглым лоснящимся лицом, редкими тонкими волосами и чуть обвисшими щеками. Он был вечно всем недоволен, всегда всех критиковал и приструнивал, за что и получил свое прозвище, а еще неоднократно получал по морде, когда пытался поучать не тех, кого следовало.

– О, смотрите-ка, задница бегемота заговорила, – захихикал Лис.

Ханжа открыл рот, чтобы что-то ответить, но наш надзиратель, вошедший в салон флаера последним, вежливо, но убедительно попросил всех заткнуться.

Дверь с тихим шорохом встала на место, и флаер быстро поднялся в воздух. Когда аппарат набрал высоту, я прильнул к окну. Вершины небоскребов, что еще недавно, казалось, упирались прямо в облака, оказались теперь на уровне глаз. А на некоторых зданиях даже можно было разглядеть крыши. Интересное зрелище – эти крыши. Почти на всех из них располагались стоянки флаеров или минипарки с густой растительностью и бассейнами. Кое-где были видны точки людей, но в основном все мельтешение создавали рои больших и малых флаеров.

Мы резво промчались мимо движущихся потоков и влились в одну из многочисленных транспортных артерий.

Глядя на блестящие вытянутые корпуса мимо пролетающих с тихим гулом флаеров я погрузился в свои унылые

мысли. Как и восемь лет назад, моя жизнь сейчас кардинально изменилась. Кларисса была последней ниточкой, связывающей меня с прошлым, но теперь и она оборвалась. Я потерял все.

Удивительно, но я больше не злился на нее. Поначалу, конечно, меня разрывало от ощущения предательства и беспомощности, но потом в какой-то момент я осознал истину. А истина заключалась в том, что я... умер. Да-да, умер. Формально мое тело и сознание, разумеется, были целы, но вот что касается той эфемерной субстанции, которую называют душой... она ушла в небытие.

Я умер и родился заново. Теперь я человек без прошлого и без воспоминаний.

Во всяком случае, я заставил себя в это поверить. Вышло не совсем убедительно, потому что Кларисса или события с ее участием мне снились почти каждый день, но я гнал мысли о ней куда подальше. И старался занять свой разум иными вещами, хотя это получалось не всегда, а вернее, почти никогда. Но я старался. И боролся с собой ежемоментно.

Нас слегка потрянуло, потом флаер чуть накренило влево, но через пару секунд положение выровнялось.

– Сколько нам еще осталось лететь? – спросил Ханжа дрогнувшим голосом спустя четверть минуты или около того, и я непроизвольно повернулся в его сторону. Он выглядел побледневшим. Лицо покрылось испариной, короткие редкие волосы взмокли от пота.

– Что, ссыкуешь на флаерах летать? – полюбопытствовал Лис, растянув губы в злорадной ухмылке.

– Как и любой здравомыслящий человек, я предпочитаю для передвижения более надежный вид транспорта. Флаеры к нему не относятся, – нервно ответил Ханжа.

Я хмыкнул и покачал головой, но говорить ничего не стал. Для меня оставалось загадкой, как такого зануду не сгноили в Платосе. Но еще большее удивление вызывало то, по какой причине Ханжа решился на участие в проекте, о котором не знал ровным счетом ничего.

Мистер Зед снова сделал нам замечание и последующие минуты мы летели в полном молчании. Я без особого интереса разглядывал высокие шпили небоскребов, низы которых скрывались в мутной дымке, посматривал на моно-рельсовые поезда с голографической рекламой на крышах и боках, чьи пути движения замысловато пересекались друг с другом. И в какой-то миг провалился в состояние прострации.

– Все, приехали. На выход! – выдернул меня из полудремы голос надзирателя.

Флаер приземлился на широкой посадочной площадке, где стояла всего парочка дорогих на вид летательных аппаратов и один крупный аэробус, отдаленно напоминающий десантный транспортер БЛ-3, на которых нас высаживали в боевые точки. На улице моросил дождь, небо затянулось непроглядной мутой. Перед нами возвышалось многоэтаж-

ное темно-серое здание из стекла, металла и мрака. Через широкую дугообразную арку ворот, слегка подсвеченную снизу, мог бы пролететь некрупный звездолет или, не сбавляя шага, промаршировать полк тяжелой пехоты.

– Федеральный научный центр «Галактион», – прочитал огромную голографическую надпись над входом Лис. – Какого хрена мы тут делаем, мистер Зед?

– Все вопросы позже. И не ко мне, – коротко ответил наблюдатель.

– Вот куда весь бюджет сливают, – недовольно пробурчал Ханжа, с явным интересом осматривая все вокруг.

Мы снова двинулись друг за другом. Мистер Зед лишь раздавал короткие команды «вперед», «направо» или «налево». Начали встречаться люди, разодетые в обтягивающие светло-голубые комбинезоны. Некоторые с интересом поглядывали на нас, но большинство попросту игнорировали. Не дойдя до главного входа, мы свернули направо и подошли к проходной – узкому проему у торца здания. Здесь стоял одинокий хмурый охранник с узким визором и в шлеме, закрывающим нижнюю часть лица. Его руки лежали на корпусе автомата, дуло которого смотрело в нашу сторону. Мистер Зед приказал нам оставаться на месте и подошел к нему, что-то сказал, указал на нас. Тот с явным подозрением оглядел нашу пятерку и кивнул. Негромко что-то пробурчал в забрало шлема, видимо, сообщая о нашем прибытии вышестоящему начальству. Мы двинулись дальше.

Прошли по небольшому вестибюлю, сопровождаемые пристальными взглядами еще нескольких охранников. Потом свернули в широкий коридор, где Олуш чуть не сбил с ног щуплого мужичонку с тележкой на магнитной подушке, набитой какими-то приборами, и последовали к лифту.

– Не слишком уж тут и серьезная охрана, – заметил Лис, как только дверцы плавно закрылись, и кабина лифта с тихим гулом начала двигаться вниз. – Да и проверок никаких не было. Неужели доверяют нам?

– Они трижды просканировали нас разными сенсорами. Просто ты этого не заметил, – сказал Линк. Его глаза прищурено бегали туда-сюда, сканируя пространство на предмет скрытых датчиков, камер и всего подобного.

– Сказал бы сразу – я бы им задницу показал, – усмехнулся Олуш.

Лифт остановился. Мы вышли и тут же оказались в просторном помещении с высоким потолком. Здесь все кишело жизнью – все шумело и гудело от голосов людей, гулких шагов и какого-то низкочастотного звука, исходящего откуда-то снизу. Мужчины и женщины в строгих темных костюмах или светло-голубых комбинезонах торопливо проходили мимо нас, словно не замечая. Кто-то что-то нес в руках, кто-то разговаривал по видео- или аудиосвязи. Все были заняты своими делами. Мистер Зед повел нас дальше.

Мы минули несколько развилок и свернули в узкий проулок. Людей здесь уже не было.

– Почти на месте, – произнес надзиратель и кивнул на дверь, которой заканчивался этот, как оказалось, совсем уж короткий проулочек. – Вам туда.

– А вы, мистер З... ед, с нами разве не пойдете? – поинтересовался Лис, как бы невзначай «споткнувшись» при произношении имени нашего провожатого.

– Нет, – строго ответил тот. – Моя работа окончена.

– А если мы свернем куда-нибудь не туда?

Надзиратель чуть улыбнулся – впервые за все время. И улыбка получилась совсем уж натужной, если не сказать жалкой.

– Теперь у вас только один путь, – спустя паузу сказал он. И остановился.

Дверь в конце проулочка с тихим шумом поднялась, на нас дыхнула темнота, которая быстро рассеялась. За дверью нас ждал другой коридор, только более узкий и прижатый сверху потолком с редкими светильниками.

– Всего хорошего, – снова произнес мистер Зед и добавил. – Желаю удачи.

Олуш вошел в помещение первым, за ним последовал Лис, потом Линк, а затем и что-то недовольно бубнящий под нос Ханжа. Я зашел последним. Как только переступил черту, отделяющую помещение от внешнего мира, я почему-то обернулся. Но оглядеть надзирателя уже не успел – дверная пластина с тихим шелестом вернулась на свое прежнее место. И настала полная тишина, словно внешний мир резко

исчез.

– И как это понимать? Нас заперли? – спросил Ханжа, и его голос запрыгал по гладким стенам, уносясь вглубь коридора.

– Если есть дорога вперед, значит, не заперли, – произнес Линк, кивнув в сторону единственно возможного пути. Но шагать по нему он, по-видимому, не решался, но начал осматриваться.

– Вот же дерьмо, – бросил Лис и поморщился. – Так и думал, что этот молчун выкинет под конец какую-нибудь дрянь.

– Нам конец, – выдал Ханжа. – Точно говорю, конец.

Я же с удивлением для себя ощутил необычайный прилив сил. Наконец-то за последние восемь лет со мной начало происходить что-то действительно интересное. В тюрьме мне остро не хватало всякого рода впечатлений, может, поэтому я и задевал охранников, в надежде, что когда-нибудь они закроют глаза на наш уговор с Картером и попытаются «проучить» меня. Не считая недавнего инцидента с Носорогом, ничего подобного за все годы моего заключения так и не произошло.

– Утрите сопли и возьмите яйца в руки, – сказал я и уверенно зашагал по коридору, по пути растолкав заключенных. Через плечо бросил: – Пошли.

– А ты что, типа самый умный? – фыркнул Ханжа. – Лично я и шагу не сделаю, пока не пойму, что здесь происходит.

Остальные же молча последовали за мной. Лис обозвал Ханжу говорящей задницей, а Олуш громко захохотал.

Коридор начал петлять, потом – сужаться. Потолочные светильники стали как будто ниже, да и вообще во мне впервые в жизни закопошился какой-то клаустрофобный паразит. Никогда за собой подобного не замечал.

– Эй, мужики, подождите, – раздался позади голос Ханжи, после чего слышались тяжелые шаги.

– И минуты не прошло, – усмехнулся Лис.

– Наверное, штаны уже успел обделать, – добавил Олуш.

Скорости я не сбавил, поэтому заключенному пришлось нас догонять самому.

Через полминуты коридор резко оборвался, и мы вышли в просторный округлый зал с высоким потолком и гладкими стенами, обитыми стальными листами с заклепками. Все это чем-то напоминало огромную арену, на которой ведутся показательные бои.

– Камеры... датчики... сенсоры... они здесь повсюду, – вполголоса проговорил Линк, прищурено озираясь.

– И как ты это понял? Задницей почувствовал? – спросил Коннор.

– Это ты любишь задницей чувствовать всю прелесть тюремного заключения. А чтобы понять, что за тобой наблюдают, нужно быть всего лишь немного внимательнее.

– За нами наблюдают, это точно. Я так и думал, – сказал Ханжа. – И что им от нас нужно?

Сзади резко зашумело, и проем, из которого мы вышли, накрыло тяжелой металлической пластиной.

– Нас закрыли здесь! – прокомментировал Ханжа. – Все, нам конец! Они хотят нас убить!

– Заткнись ты уже! – прикрикнул на него Лис.

– Да какой в этом смысл? Они нас сейчас убьют! И зачем я на это согласился?! Сейчас сидел бы себе в камере и горя не знал, – запричитал Ханжа.

– Вот и я тоже думаю, как ты на это решился, будучи таким ссылком? – покачал головой Лис, состроив кислую мину.

– Они нас изучают, – произнес я.

– Изучают? Но зачем? Они и так знают, что мы арестанты, – развел руками Ханжа. – Нет. Они хотят нас убить. Наобещали всяких благ, чтобы заманить нас сюда, а теперь хотят убить! Точно вам говорю! Точно!

Впереди, прямо напротив нас, в стене начал образовываться темный проем – стальная пластина медленно и со скрежетом стала подниматься. Из прохода подул сквозняком, а потом из нутра раздался зловещий металлический скрежет.

– Вы слышали? Что там? Что? – снова запричитал Ханжа, указав рукой на противоположную сторону. Вид при этом у него сделался, как у котенка, впервые встретившего на пути огромного злого пса.

Я сделал в его сторону уверенный шаг, схватил за ворот и

силой наклонил вперед. Ханжа пару раз дернулся, но быстро сообразил, что из моей хватки просто так не вырваться, поэтому подчинился. Громко и отчетливо, но не переходя за грань крика, я проговорил:

– Заткнись и послушай меня. Впитай каждое слово. Никто тебя не собирается убивать. Нас изучают. Хотят понять, чего мы стоим. Если ты уже сейчас готов наложить в штаны, то жди, что в ближайшее время тебя точно спишут со счетов. Поэтому закрой свой трусливый рот и стой спокойно. Понял меня?

Я отпустил его и чуть оттолкнул. Получилось сильнее, чем я рассчитывал, поэтому Ханжа немного пошатнулся, но устоял на ногах. На меня посмотрел одичавшим взглядом, раскрыл рот, но слова застряли в горле. Поэтому он часто-часто закивал. А потом медленно отшагнул, спрятавшись за широкой спиной Олуша.

– Вот же ссыкло, – покачал головой Лис.

– Ты тоже заткнись, – небрежно бросил я.

Металлический скрежет повторился вновь, на этот раз отчетливее. Спустя несколько секунд из проема медленно вышла массивная фигура полутяжелого боевого шагохода К-3, которых военные раньше именовали кентаврами. На вооружение альрийской армии они поступили в самом начале войны с Империей, но непосредственно в бою я наблюдал их всего три раза. Гладкий корпус поблескивал темным металлом, лазерные указатели, расположенные на небольшой по-

движной башенке, метались из стороны в сторону, сканируя пространство на наличие поблизости противника.

Данный экземпляр немного отличались от тех, что я видел на полях сражений. Этот был чуть больше – около двух метров в высоту и полутора в ширину, задняя часть была чуть меньше, зато передняя, грудная, стала намного массивнее. Обе пары ног обзавелись дополнительными суставными сочленениями у самого основания, что, вероятно, должно было придать объекту больше маневренности. А вот два манипулятора на корпусе остались прежними – в правый был также встроен лазерный или плазменный пулемет, а левый заканчивался трехпалым захватом.

– И что это за срань такая? – спросил Олуш, нахмурившись.

– Не думал, что это скажу, но, похоже, эта трусливая задница права, – произнес Лис, кивнув на Ханжу. Лицо его при этом утратило привычный усмешливо-снисходительный вид. – Сейчас нас, похоже, примутся резать и кромсать как колбасу на обед.

– Спокойно, – негромко произнес я. В кровь брызнула приличная доза адреналина, и я вновь ощутил почти позабытое чувство предвкушения скорой битвы.

– Я же говорил! Говорил же... – едва слышно и сбивчиво запричитал Ханжа.

– У этой железки лазерный сканер и тепловизор. А еще, скорее всего, он напичкан сенсорами движения и звука. Па-

луч прав, лучше пока не двигаться и говорить тише, – прокомментировал Линк. Вздыхнул и продолжил: – Эх!.. Если бы эти уроды не заблокировали мой имплант дистанционного доступа, я бы вскрыл эту консервную банку и вскипятил бы ей мозги.

– У этой консервной банки защита седьмого уровня плюс стоит неплохая зеркалка как раз от таких умников-переростков, как ты. Сунулся бы к нему, так сразу бы себе мозги и спалил, – проговорил я. Помолчал с пару секунд и добавил: – Во всяком случае, так было у старых «кентавров». Эта модель посвежее, но не думаю, что начинка стала хуже. Скорее, наоборот.

Снова раздался грохот, на этот раз какой-то глубинный и всеобъемлющий, словно звук исходил откуда-то снизу. Через миг опора под ногами завибрировал, и из пола стали медленно вырастать тонкие металлические перегородки, преобразовывая зал в некое подобие лабиринта.

Шагоход скрипнул сталью и уверенно двинулся в нашу сторону, ускоряясь с каждым мгновением. Перегородки, что медленно вырастали на его пути, он ловко обходил или перешагивал, если те еще были не слишком высокими. Правый манипулятор он вытянул, толстое дуло пушки стало крутиться, готовое извергнуть из себя залп выстрелов.

– В стороны! – громко произнес я. Никто не сдвинулся с места, поэтому я повторил громче и резче: – В стороны, придурки!

Сам же я бросился вправо. Несколько ярко-алых лучей проскользнули мимо. Чуть пригнулся и присел на корточки, спрятавшись за широкой перегородкой.

– Черт! Черт! – раздался взволнованный голос Коннора. Послышался бас Олуша. Ханжа снова запричитал в истерике.

– Всем. Если хотите выжить. Не сгруппировываться. Держаться друг от друга как можно дальше, – командным голос стал выговаривать я. – «Кентавры» в первую очередь реагируют на группы противников. Уходите в стороны. Прячьтесь.

– Как нам его победить, черт возьми? – задал правильный, но совершенно бесполезный вопрос Олуш.

– Без оружия – никак, – ответил я. Поверх меня проскользнуло несколько лазерных лучей. Громоздкий силуэт шагохода показался из-за перегородки. Я пригнулся еще сильнее, прижался спиной к преграде и быстро пополз по ней. Свернул за поворот.

– Если его нельзя убить, то какого черта они на нас его натравили? – задал резонный вопрос Лис.

– Может, оружие где-нибудь лежит? Его просто нужно найти, – предположил Олуш.

– Здесь нет никакого оружия. Они хотят нас убить! Просто убить! – снова запричитал Ханжа.

Снова последовал залп выстрелов. Я хоть этого и не видел, но услышал, как зашипела пушка, исторгая лазерные лучи.

Снова кто-то выругался.

– Заткнитесь, придурки! – закричал Линк. – Эта железка реагирует на звук!

– Они все равно нас убьют! – выдал очередную порцию истерики Ханжа.

И снова залп выстрелов, потом я отчетливо услышал тяжелые, но быстрые шаги.

– Нет! Не-е-ет! – раздалось неподалеку. Чей это был голос, я понять не смог. Но скорее всего он принадлежал Ханже.

Опять выстрелы. Я выпрямился во весь рост, подпрыгнул, хватаясь за верх перегородки, и подтянулся на локтях. Сделать это оказалось не так-то просто, но я справился. Все же не зря иногда посещал тренажерный зал в тюрьме.

«Кентавр» находился метрах в двенадцати от меня. Стоял спиной и смотрел в противоположную сторону. Там было какое-то шевеление. Пушка выплюнула несколько лучей, и я услышал приглушенный крик.

– Черт! Линка подстрелили, – оповестил Лис.

– Рассредоточьтесь, придурки! – прокричал я.

Корпус шагохода резко развернулся в мою сторону. Похоже, он меня услышал. Из дула орудия прыснуло несколько выстрелов.

Я расслабил руки и покатился по перегородке вниз. Тонкая стенка вмиг нагрелась, но лучи ее не пробили. А это значит, что мощность заряда была невелика. Получается...

Додумать я не успел – «кентавр» решил резко сократить расстояние между собой и мной и, скрежеща и стуча по полу

металлическими ногами, быстро стал приближаться.

Я бросился вправо, скрылся за углом. Несколько лучей проскользнули мимо меня, едва не задев левое плечо. Я пригнулся, ударился правым боком о выступ, меня повело в сторону. Лучи прошли в паре сантиметров от щеки. И я все же поскользнулся и упал на спину. Сразу же перекатился, пропуская мимо обжигающие заряды. Снова вскочил на ноги, крикнул от натуги и бросился к узкой щели между перегородками. Протиснулся в нее чудом, но все же не избежал ранения – левую икру словно обожгло огнем.

Я отрывисто вскрикнул. Упал на живот и, перебирая локтями и правой ногой, пополз дальше, не в силах подняться. В нос ударил запах горелой синтетики и плоти. Но на осмотр ранения пока что не было времени. Счет шел на секунды. Судя по всему, ногу неслабо обожгло, хотя из-за шока боли я не ощущал.

В щель между перегородками протиснулся металлический манипулятор шагохода. Хрустнуло, и перегородки разлетелись, как картонные коробки, а щель превратилась в широкий проем. И в этот проем вошел «кентавр». Теперь он находился метрах в трех от меня, и путь ему вообще ничего не преграждало.

– Черт... – только и успел выдохнуть я. А еще машинально прикрыл голову и лицо руками.

Орудие зашипело, и на меня обрушился шквал обжигающе горячих лучей.

Через миг мир заполнила темнота...

Глава 4

– Я думаю, что вы уже в курсе, почему я собрал вас в столь раннее и прекрасное утро, – громко произнес сержант Бейз, подбоченившись и скользя взглядом поверх наших голов. Он был выше самого высокого из нас чуть ли ни на голову. Шириной в плечах тоже превосходил крупнейшего из роты как минимум на треть. Глубокий шрам тянулся по правой стороне от глаза к виску и заканчивался где-то на затылке. Поговаривали, что он получил серьезную травму головы, после которой уже не мог воевать, поэтому его и определили на воспитательную работу в тыл.

На плацу стояла немая тишина. Даже прохладный утренний ветер замер в ожидании того, что должно было случиться дальше.

– Рядовой Хоксвелл, шаг вперед! – гаркнул сержант, глядя, как обычно, куда-то в пустоту. Он почти никогда не смотрел подопечным прямо в глаза, отчего поначалу мне казалось, что он либо слеп, либо страдает каким-то недугом. Как оказалось впоследствии, эта его особенность была частью имиджа.

Я выждал три секунды и вышел из строя.

– А ты не торопишься, – произнес сержант, повернувшись ко мне.

От него веяло несокрушимой силой и властью, хотя по военной иерархии он занимал не столь уж высокое положение. Однако когда Бейз обращал внимание лично на тебя, то ты невольно начинал ощущать себя слабаком и размазней. Я едва сдерживался, чтобы не ссутулиться или пригнуться.

– Рядовой Хоксвелл! Ты вчера был на посту у северного медсклада. Это так?

– Так точно, сэр, – ответил я.

– Есть информация, что ты видел рядового Гоббса перед самым отбоем. Она верна?

– Да, сэр.

– Ты разговаривал с ним?

– Нет. Только кивнул в знак приветствия.

– Неужели? – чуть сбавил тон сержант. – Есть информация, что разговор между вами все же состоялся.

– Она не верна, сэр. Караульным запрещено разговаривать с вольно разгуливающими служащими. Я не нарушаю устав.

Выражение лица Бейза не изменилось, однако я кожей ощутил напряжение в его поведении. Он словно сканировал меня. Я же в этот миг старался мысленно уплыть куда-нибудь подальше. Вспомнил детство. Как гулял под пурпурным небом Лямории. Увидел влюбленные глаза Клариссы и ее нежную улыбку. Попытался представить, как уйду в увольнительную на пару недель, чтобы вновь ощутить вкус жизни. В общем, делал все, чтобы только отстраниться от «здесь и сейчас». Говорят, это помогает.

– Тебе известно, что произошло на медскладе в период с десяти до одиннадцати часов вечера? – после короткой паузы спросил сержант.

– Нет, сэр. Моя смена закончилась в девять часов тридцать минут, – ответил я, и ни один мускул на моем лице не дрогнул. Вдруг я вспомнил: ходили слухи, будто у Бейза был первый уровень псионика, а это в свою очередь означало, что сержант мог с легкостью распознать ложь. Но я тут же откинул эту паническую мысль, ведь будь это правдой, то он давно бы все уже узнал и принял соответствующие меры.

Сержант сделал три твердых шага в мою сторону и оказался рядом. У меня сбилось дыхание, в горле засадило, и я едва сдержался, чтобы не кашлянуть. Слюна во рту высохла в один момент. Если мне недавно казалось, что я слаб и беспомощен перед этим человеком, то теперь и вовсе ощутил себя призраком.

– Рядовой Хоксвелл, – произнес Бейз чуть тише, отчего сердце в груди забилось еще сильнее, а по спине побежали холодные мурашки. – Тебе известно, что тебе грозит, если вдруг окажется, что ты стал соучастником преступления? А замалчивание правды – это ни что иное, как соучастие.

– Да, сэр, мне известны все последствия проступка, однако, как я уже и сказал, я ничего не знаю о случившемся на медскладе в период с десяти до одиннадцати часов вечера, – выпалил на одном дыхании я. Последние слова дались крайне тяжело – даже на поверхности солнца, наверное, влаги бы-

ло больше, чем у меня во рту в тот напряженный момент.

– Встать на место! – резко приказал сержант и отошел на три шага назад.

Я выполнил приказ молниеносно. На последнем шаге чуть споткнулся, но этого никто не заметил.

– Итак, бойцы, – громко проговорил Бейз, снова проходя взглядом поверх наших голов. – Как вы уже знаете, прошлой ночью кто-то из вас пробрался на медсклад и выкрал несколько ампул экспериментального медикамента, применяемого в полевых условиях для мгновенной постановки раненых солдат на ноги. Разумеется, у нас есть подозреваемые, основной из которых – рядовой Гоббс, – никто не посмел скосить взгляда на Уиллиса, но воображение ярко нарисовало его силуэт перед моим мысленным взором. Боец стоял в паре метров справа и тоже, наверное, дрожал не меньше меня. – Однако у нас нет прямых доказательств его вины. Но вы – каждый из вас – можете проявить рвение и выдать всю имеющуюся информацию об этом инциденте мне лично. Или же, если у самого виновника хватит мужества, он может признаться в содеянном сам. В противном случае будет наказана вся рота. Это я вам обещаю, а свои обещания, как вам известно, я выполняю всегда. Выбор за вами. Буду ждать до обеда.

Никто не шелохнулся. Да никто и не сдаст Гоббса. Потому что никто ничего не знает. Кроме меня.

– Вольно, солдаты! – снова гаркнул сержант. – Разойтись!

Мы выдохнули. Начали медленно разбираться по своим делам. Даже, казалось, прохладный утренний ветер снова задул, а тусклое красноватое солнце засветило чуть ярче.

– Спасибо, Алекс, – хлопнула меня по плечу тяжелая рука Гоббса.

Я дернулся и резко обернулся.

– Какого черта, Уиллис? – крикнул я, злобно глянув на сослуживца.

– Полегче, братик, не нужно так кричать, – широко улыбнулся Гоббс. Он был выше меня на полголовы и немного крупнее. Но вот с волосами были большие проблемы – несмотря на довольно молодой возраст в двадцать два года, он уже начал лысеть.

– Я на нервах все утро, – тихо произнес я и огляделся. Поблизости никого не было, да и стояли мы в слепой зоне – камеры нас видеть точно не могли.

– Понимаю, – кивнул он. – Но ты выдержал напряжение. Ценю это. Яйца не зря носишь.

– Какого черта ты полез за этими склянками? Да еще спалился!

– Они не знают точно, что это был я. Только подозревают, – покачал головой Гоббс.

– Все равно лазутчик из тебя хреновый, – вымученно улыбнулся я. – Так зачем тебе те ампулы? Неужели торчишь?

Уиллис гоготнул, театрально развел руками и проговорил:

– Обежаешь, Алекс. Я что, похож на какого-то сраного

транка?

– Да черт тебя знает, – махнул рукой я. – Ладно, дело твое.

– Ценю в тебе это качество, – ткнул мне в грудь пальцем

Уиллис.

– Какое? – нахмурился я.

– Ты не суешь нос в чужие дела. Правильная политика.

Я пожал плечами. Тут он был прав.

– Ну ладно, бывай. Нам всем еще наказание отбывать, –

Гоббс снова хлопнул меня по плечу и подмигнул. – И еще раз спасибо, что не сдал меня. За мной должок.

Он ушел. А я же на некоторое время задумался о случившемся. Его слова «Нам всем еще наказание отбывать» никак не хотели выветриваться из моей головы. Он подставил всю роту. Позже мы трое суток мыли и чистили плац до кристальной чистоты, а самого Гоббса вызвало начальство на допрос. В результате никто его так и не расколол, а о инциденте все в скором времени забыли.

Уиллис же так и не отдал мне должок – через три месяца после этого случая его перевели в другую часть, а еще через месяц началась полноценная война с Империей, и нашу роту расформировали, раскидав нас по разным военным формированиям.

Я резко распахнул глаза. Отовсюду веяло сыростью и про-

хладой. Дышать было легко, но в воздухе отчетливо ощущался какой-то лекарственно-химический запах.

Попытался пошевелиться... Тело слушалось плохо, было вялым и тяжелым.

Я приподнял голову и огляделся. Лежу в прозрачном резервуаре. Ко рту и носу подведен дыхательный шланг, а я барахтаюсь в какой-то зеленоватой густой жидкости. По шею.

Коснулся маски и снял ее. Вдохнул воздуха, который хоть и лишился химического привкуса, но стал более тяжелым.

Где я? И что вообще случилось?

Почти забытые воспоминания, поднятые на поверхность моей памяти сном, начали снова блекнуть, передавая место последним воспоминаниям.

Сначала нас завели в какое-то помещение. Появился «кентавр», началась стрельба. Меня сначала ранило, а потом... я потерял сознание. И оказался здесь.

Я ничего не упустил?..

– Как ваше самочувствие? – раздался голос надо мной, и я поднял взгляд. Рядом появилась женщина лет двадцати семи в белом медицинском комбинезоне и обтягивающих перчатках. Лицо с невыразительными чертами хранило невозмутимый вид. Она присела ко мне и посветила тонким фонариком в глаза.

– Какого хрена здесь происходит? Где я? – спросил я, сошурившись.

– Вы находитесь в регенерационной камере. Судя по по-

казателям, ваше здоровье полностью восстановлено, – сказала медик, скосив взгляд на что-то ниже. Я проследил за ее глазами и понял, что она смотрит на табло с какими-то данными.

– Я рад, как новорожденный младенец. Но какого черта это самое здоровье нужно было сначала портить? Зачем нас закрыли наедине с «кентавром»?..

Девушка не ответила, а продолжила так же увлеченно следить за цифрами и мелькающими строчками на табло. Несколько раз коснулась сенсорной панели пальцем.

– Эй, спасательница душ человеческих, я с тобой разговариваю.

Медик подняла на меня взгляд и спокойно произнесла:

– Извините, но я ничего не могу вам сказать. На все вопросы ответят позже.

– Кто ответит?

Девушка в белом комбинезоне несколько раз моргнула и ответила:

– Извините, но говорить об этом – вне моей компетенции. Моя обязанность – следить за состоянием вашего здоровья.

– Замечательно. А где остальные? Со мной было еще четыре человека.

– Как и вы, они содержатся в регенерационных камерах.

И тут я услышал утробный крик, а потом:

– Ах ты ж твою мать!.. Палач! Лис!.. Кто-нибудь!..

Голос принадлежал Олушу.

– Минуточку. У одного из вас, похоже, детерминационный шок.

Медик быстро зашагала на голос, а я ухватился за борта резервуара и подтянулся. Голова чуть закружилась, но я пару раз моргнул, и все прошло. Крикнул как можно громче:

– Не ори, здоровяк, я здесь.

– Палач?.. Это ты?.. Стоп, а ты кто такая? Палач, что это за баба в белом комбезе?

Раздался голос девушки, но что она сказала, я не расслышал.

– Это наша спасительница. Ее нужно любить.

– Что?.. Кого?..

Я вылез из резервуара и оглядел себя. Из одежды на мне было... ничего не было. Вот же черт!.. Глянул на ноги – туда, куда пришелся выстрел из пушки «кентавра». Никаких ожогов и даже шрамов не увидел, что не могло не радовать.

Снова слышался голос медика, Олуш выругался, но уже без агрессии, даже с нежностью. Похоже, начал флиртовать.

Я осмотрелся. Мы находились в вытянутом прямоугольном помещении с невысоким потолком, на котором располагались тусклые квадратные светильники. Регенерационный резервуар, из которого я вылез, стоял в ряду из десяти точно таких же ванн. В трех из них в мутной жидкости лежали тела, в одной из которых я узнал Ханжу. Резервуар Олуша стоял дальше всех, у стены.

– С вами все в порядке. Можете покинуть регенерацион-

ную камеру, – сказала медик и повернулась ко мне. Я резко прикрыл свои причиндалы ладонями.

Девушка приблизилась, чуть коснувшись отстраненным взглядом. Вниз даже не посмотрела, но ее лицо озарила едва заметная надменная улыбка. Стало даже как-то обидно.

– С вами, судя по всему, тоже все в порядке, – бросила она, проходя мимо.

– Нам бы одежду какую-нибудь, – сказал я ей вслед.

Медик подошла к резервуару, что стоял рядом с моим, и принялась внимательно изучать данные на табло. Потом коснулась сенсорной панели. Тело в емкости дернулось, перевернулось на бок и замерло.

– Не волнуйтесь, вам скоро все выдадут.

Олуш тоже вылез из камеры, сел на борт и начал с интересом оглядываться. Спросил:

– Ты хоть что-нибудь помнишь, Палач? Что с нами случилось?

– Нас закрыли на каком-то полигоне, куда выпустили «кентавра». И он нас всех перестрелял. Я, похоже, отключился одним из первых.

– Угу, – задумчиво протянул он. – На кой хрен они это сделали?

– Не знаю, – покачал головой я. – Наверное, хотели проверить, как мы поведем себя в экстренной ситуации.

– Зачем?

– Да откуда я знаю?! – развел руками я.

– Эй, красавица в халатике, что ты на это скажешь? – спросил Олуш, повысив голос.

В регенерационной камере, рядом с которым стояла медик, «ожил» еще один из наших. Когда он поднял голову, я узнал в нем Лиса.

– Я не имею полномочий отвечать на такие вопросы, – ровным голосом произнесла девушка и обратилась к Коннору: – Как ваше самочувствие?

Лис сорвал маску, с хрипом втянул воздух, кашлянул и начал испуганно озираться. Когда увидел меня, взгляд его стал более осмысленным и спокойным.

– Не удивляйся, что ты воскрес. Мы в раю, – сказал я, глядя ему в глаза.

Коннор ухмыльнулся. Перевел взгляд на девушку, подмигнул и произнес:

– Если мы в раю, то ты, стало быть, ангел?

– С вами все в порядке. Можете покинуть камеру, – холодно ответила медик и двинулась к следующему резервуару.

Лис вылез из камеры, покрутил конечностями, похрустел пальцами и обратился к нам:

– Кто что помнит? Я, кажется, выбыл из игры последним.

– Палач сказал, что нас испытывали на прочность, – произнес Олуш.

– Вполне возможно, – кивнул Коннор.

Девушка разбудила сначала Линка, который, очнувшись, стал тут же бубнить под нос что-то нечленораздельное, а по-

том подошла к резервуару Ханжи. Последний заключенный просыпаться никак не хотел, и Лис по этому поводу выдал шутку:

– Слушай, ангелок, а ты потереби вон тот его мелкий отросток, и он сразу же вскочит.

Медик никак не отреагировала на реплику, а Олуш звучно заржал.

Ханжа дернулся, а потом резко распахнул глаза. Приподнялся, сорвал маску и начал удивленно и испуганно озираться по сторонам.

– Видишь, сразу помогло, – снова пошутил Коннор. И обратился уже к Ханже: – Доброе утро, задница. Ты был прав, тебя убили, твоё тело продали контрабандистам, и теперь из тебя сделают подневольного киборга.

Заключенный открыл рот, чтобы что-то сказать, но шок от пробуждения, видимо, был слишком силен, поэтому он лишь беззвучно почмокал губами и глухо промычал.

– Ладно, что дальше? – спросил я, обратившись к девушке.

– За вами сейчас придут, – ответила она, даже не подняв на меня взгляда.

– Кто придет? – поинтересовался Лис.

– Если нас снова попытаются убить, я уж тогда лучше сразу в ванну лягу. И тебе, красавица, предлагаю присоединиться. Водичка-то теплая, – сказал Олуш и похлопал по поверхности жидкости, что заполняла регенерационную камеру.

– Так кто придет? – повторил вопрос Коннор.

– Вы сейчас все узнаете, – почти по слогам ответила медик, подняв на заключенного холодный взгляд.

– Здесь полно камер наблюдений. Они следят за нами, – сообщил Линк, оглядывая потолок. Он тоже вылез из резервуара и прислонился к стенке, держась за края борта.

– Меня это уже бесит, – признался Лис. – Сказали бы уже сразу, чего им от нас надо. А то водят за нос, как детей.

В дальнем конце помещения загудели пневматические приводы, и дверь, ведущая в просторный светлый коридор, быстро поднялась. В помещение размеренным шагом вошел высокий человек в темно-синей военной форме альрийского офицера. Крупная эмблема Федерации чуть ли не светилась на его груди. Он был без головного убора, недлинные седые волосы убраны в аккуратную прическу. На правом глазу – визор, на левой щеке прикреплен какой-то мелкий имплант или что-то подобное. Несмотря на явно немолодой возраст – лет шестьдесят – осанку он держал ровно, почти по струнке.

Офицер замер ровно на три секунды, бегло осмотрел нас и, чуть нахмурившись, проговорил:

– Приветствую, господа контрактники. Вы находитесь в секретном подразделении научного центра «Галактион». Настолько секретного, что он даже не имеет названия. Меня зовут полковник Сэмюэль Геррот. Я здесь – царь и бог. Кто вы такие – я знаю, поэтому представляться не нужно. Я вижу, вы хорошо отдохнули, поэтому перехожу сразу к делу. Сейчас

мой помощник отведет вас в жилую зону, где вы познакомитесь с остальными контрактниками. На все вам дается ровно шестьдесят минут, после чего вы должны будете собраться в зале аудиенций. Где он находится, вам тоже покажут. Я понимаю, что у вас ко мне имеется множество вопросов, но на них я отвечу позже. Что же касается организационных моментов, то их необходимо разрешить сразу. Вопросы есть?

– Да, – громко произнес я. – Может, конечно, у вас принято ходить голыми, но на вас, полковник, костюмчик, а мы словно новорожденные. Нельзя ли бы нам выдать какую-нибудь одежду?

– Разумеется, – кивнул офицер и перевел взгляд на медика. – Лейла, деточка, заканчивай свои игры и выдай парням форму. Я тебе уже делал замечание на этот счет. Повторять больше не стану. Переведу тебя к доктору Стенку, и будешь ему пробирки таскать. Выполняй.

– Хорошо, полковник, – сказала девушка и ткнула в сенсорную панель на стене. Из-под каждого резервуара повыскакивали небольшие панели, в которых лежали голубые тряпичные свертки.

– Ну все, господа, время пошло. Мой помощник ждет вас у выхода с той стороны, – сказал полковник и вышел из помещения.

– Вот оно значит как, Лейла, – усмехнулся Лис. – Любишь смотреть на голых мужиков?

– Конечно. Все пытаюсь найти хоть какое-то отличие. Но

все, похоже, напрасно. Вы все одинаковые, – с легким налетом разочарования произнесла медик и тоже последовала к выходу.

– Не туда смотришь, – сказал я ей вслед, но она, меня, похоже, уже не услышала.

Глава 5

За отведенный час я успел все: и выбрать себе место, и сходить в душ, и переодеться, и даже познакомиться с парой новых обитателей жилой зоны.

Первый: Юниан Юн по прозвищу Громила – высокий и широкоплечий амбал с квадратным лицом, рядом с которым Олуш казался обычным мальчишкой. Его судьба отдаленно напоминала мою. Он тоже в прошлом был военным, служил в тяжелой пехоте, но в один прекрасный момент нарушил приказ командира, а потом даже посмел дать ему по роже, за что попал под трибунал, схлопотав пять лет тюрьмы. Но на этом черная полоса его жизни не закончилась. Он нагрубил судье, начал кричать и ругаться, и к его сроку прибавили еще пятерку. Наказание он отбывал на Марсе, работал на шахтах, и к тому моменту, как попасть сюда, ему оставалось отмучиться всего год, но незадолго до того, как получить предложение испытать себя в новом проекте, он подрался с охранником, за что его наградили еще тремя годами заключения. В общем, типом он оказался конфликтным и эмоциональным, и по собственному признанию плохо уживался с любым начальством.

Второй имя свое называть отказался, ограничившись кличкой Страшила. Я настаивать не стал, к тому же про-

звище ему подходило как нельзя кстати. Его лицо было худым, бледным, челюсть наполнилась острыми металлическими зубами, к тому же, чтобы их продемонстрировать, Страшила постоянно ухмылялся. Волосы на голове по непонятным причинам не росли, поэтому он покрыл голову замысловатой татуировкой, изображающей оскал то ли дьявола, то ли дракона. Рисунок при разном освещении менял цвет с черного на бордовый, а из пасти чудовища время от времени выпрыгивало анимированное пламя. Сам же он был жилистым, угловатым, имел средний рост и невероятно сильные руки, а все потому, что его организм был улучшен имплантами, укрепляющими верхние конечности и позвоночник. Это было заметно невооруженным глазом – в хребет Страшилы были вкручены металлические гайки, а на плечах и запястьях явно выделялись темные полосы из какого-то сплава. Он мотал срок за убийство, а чем занимался до тюрьмы, рассказывать не стал.

Эти двое явно выделялись на фоне остальных как внешне, так и по поведению, поэтому я и решил познакомиться в первую очередь именно с ними. Жизнь меня научила много чему, но одно из правил я соблюдал беспрекословно: если хочешь понять, в какой социум ты попал, начни с фриков, порожденных этим социумом. В сложившейся ситуации Громила и Страшила, конечно, вряд ли попадали под понятие фриков, потому что их привезли сюда с дальних уголков Федерации, но и под описание «такие же, как все» они тоже

не подходили.

Как оказалось, участников проекта было около полусотни, и примерно четверть из них составляли женщины. По заверению того же Громилы, лишь половину из всех контрактников, как навал нас полковник Геррот, составляли такие же заключенные и преступники, как мы. Остальные же были вольнонаемным ветеранами, служаками разных боевых подразделений и даже гражданскими.

– Сержант Хоксвелл! Неужели ты согласился?.. – услышал я голос за спиной. Обернулся.

Ко мне приближался Беннер Картер – человек, из-за которого я получил приглашение-требование поучаствовать в этом непонятном и крайне сомнительном проекте. Я его не видел много лет, но узнал сразу. К слову, он почти не изменился, если не считать взгляда, который стал тяжелее и пронзительнее. На Джозефа он почти похож не был, разве что шириной плеч и походкой.

– Вольно, рядовой, – улыбнулся я, пожимая протянутую руку.

Беннер недоверчиво оглядел Громилу, скосил взгляд на Страшилу и чуть нахмурился, а потом уже посмотрел на меня.

– Я давно не рядовой, сержант, – сказал он, по-прежнему не выпуская мою ладонь. Хватка у него, надо признать, стала крепкой.

– Джозеф сказал, что тебе старлея дали. Надеюсь, заслу-

женно. А вот я тоже больше не сержант. Погоны сорвали еще восемь лет назад.

Беннер должен был знать об этом, но почему-то сделал удивленный вид.

– Вот как?.. Не страшно. Здесь теперь это уже значения не имеет. В этом проекте мы все равны.

– Кстати, о проекте... Должно быть, о нем ты знаешь больше остальных. Я прав?

Беннер снова недоверчиво поглядел на рослого Юниана и поджарого Страшилу и произнес:

– Отойдем?

Я кивнул, Беннер, наконец, отпустил мою руку, и мы отошли на пару метров от моих новых знакомых.

– Если ищешь друзей, то этих двоих в качестве кандидатов я бы тебе не рекомендовал рассматривать. Особенно того, что с татуировками, – произнес он полушепотом.

– Разберусь. – Я усмехнулся. Беннер все же изменился. Возмужал, стал более уверенным в себе. Все же я помнил его еще совсем зеленым. Во всяком случае, именно такое тогда складывалась о нем впечатление. – Так что там с проектом?

– С проектом все отлично, – проговорил Беннер, чуть приблизившись ко мне и понизив голос. – Ты не думал, почему здесь собрали именно такой контингент?

Я думал, и у меня уже сложилась примерная картина происходящего и парочка сносных вариантов, объясняющих весь этот маскарад, но я покачал головой.

– Готовится очень серьезная заварушка, серж... рядовой Хоксвелл, – на последних словах Беннер смущенно улыбнулся. – Извини, мне надо привыкнуть, что ты больше не сержант.

– Привыкнешь. Сам сказал, что здесь все равны. Так что за заварушка?

Беннер осмотрелся, словно боясь ненужных свидетелей. Сказал:

– Как ты знаешь, война закончилась, но ее результаты совершенно не устроили правительство Федерации. По сути, что мы, что локсы – никто не победитель.

– Я всегда это говорил. Капитуляция Империи была лишь фикцией. Сраная показуха.

– Да. В правительстве это тоже понимают, хоть и делают вид, что все нормально. Но если бы было так, то никто бы не инициировал этот проект.

– Логично, – кивнул я. – Да. Проект. Ты хотел как раз о нем рассказать.

Беннер вздохнул, чуть прищурился и сделал такое выражение лица, словно говоря: «рассказывать я ничего не хочу, но так уж и быть, сделаю для тебя исключение». Пристально поглядел мне в глаза и произнес:

– Правительство собирается испытать новую технологию.

– Какую технологию?

Беннер отвернулся, снова огляделся.

– Твою мать, Бен, какого хрена ты играешь в шпионов? –

повысил голос я. — Если что-то знаешь — скажи, если нет — то иди к черту!

— Да немного я знаю, — замялся он. — Слышал только, что это что-то сверхсекретное и уникальное. Какая-то высокотехнологичная разработка, которую сперли у локсов. А людей набирают, чтобы протестировать ее на них.

— Хочешь сказать, что мы всего лишь подопытные мыши?

— Нет, — покачал головой Беннер и немного улыбнулся. — Ну если только чуть-чуть. Вернее, мы и тестировщики, и исполнители в одном лице. Сложно объяснить в трех словах. Но эта технология стоит того, поверь. Она расширяет возможности человеческого организма в несколько раз.

— Это что, какой-то имплант?

— Не совсем, хотя и близко к этому.

— И откуда ты все это знаешь? Только не говори, что в экстранете прочитал, иначе я до конца дней буду считать тебя идиотом.

— Конечно же, нет, Алекс. В экстранете об этом нет информации. Скажу так: у меня есть свои источники.

Я вздохнул и поморщился. Похоже, ничего конкретного мне от него добиться не получится.

— Что-то мне подсказывает, что ты несешь какой-то бред, Бен. Похоже, за те годы, что мы с тобой не виделись, в тебе произошли кардинальные изменения. Ты всегда был странным, а теперь стал еще страннее.

— Ладно, — махнул рукой он. Мой скептицизм его ничуть

не смутил. – Скоро сам все поймешь. И проведешь параллели. В любом случае я рад, что ты согласился участвовать.

– Все для того, чтобы прикрывать твою задницу, – усмехнулся я и мысленно добавил: «Как того хотел твой брат».

– Ну теперь-то я в этом уже не нуждаюсь, – сказал Беннер.

– Очень надеюсь, потому что я тебе не нянька.

Беннер пожал плечами, как бы говоря, что все понимает и ни на что не рассчитывает, хотя мы оба прекрасно понимали, для чего я здесь на самом деле.

– Внимание всем новоприбывшим! – раздался голос из динамиков, и на стене, которая до этого времени пустовала, появилось огромное двумерное изображение полковника Геррота. – Надеюсь, вам хватило времени, чтобы расположиться на новом месте. Теперь же попрошу вас в течение последующих пяти минут явиться в зал аудиенций. Мой помощник ожидает вас у входа в жилой отсек.

Помощником оказался боевой андроид фирмы «Спешл Электрохуманс» из модельного ряда «Спектр», которых во времена моей службы иногда использовали в качестве охранников особо секретных объектов. Считалось, что от дистанционного взлома они защищены лучше, чем от самой смерти, да к тому же обладают высокими боевыми характеристиками. Стоят тоже немало. Поэтому в бою их использовали крайне редко. Дешевле нанять и обучить обычных людей, жизнь которых стоит немногим больше, чем средний комплект вооружения легкого пехотинца. К тому же с живого

человека и спросить можно и повесить на него вину за какой-нибудь промах – тоже. А что возьмешь с бездушной железки?..

Андроид сухим металлическим голосом, похожим на человеческий лишь отдаленно, вежливо попросил нас следовать за ним, и мы медленно двинулись по широкому светлому коридору. Двустворчатые двери, ведущие в нужное помещение, были уже открыты, и оттуда обманчиво веяло открытым пространством и свежестью.

Зал аудиенций оказался просторным помещением со стеклянными стенами и плавно закругляющимся в конце прозрачным потолком, сквозь который открывался изумительный вид на голубое небо и горы со снежными пиками в отдалении. Мелкие темные точки и полосы проплывающих вдали флаеров и космических кораблей, а также вершины небоскребов немного портили общее впечатление и лишь в очередной раз подчеркивали неотвратимость экспансии технического прогресса. Еще в детстве я слышал, что на Земле не осталось неизученных и необжитых мест, что почти все животные вымерли, и лишь благодаря клонированию и генной инженерии их популяцию еще пытаются поддерживать искусственно. Но по всему было видно, что Земля – выжатый серый мир, лучшие дни которого остались в далеком прошлом.

На широкой прозрачной трибуне, которая стилистически как бы сливалась со стеной, а значит и с потолком, уже на-

ходиллся Сэмюэль Геррот. Рядом с ним стоял человек в обтягивающем голубом комбинезоне, которые обычно носили научные сотрудники, и что-то ему увлеченно втолковывал. Полковник заинтересованно смотрел на него и кивал. Перед трибуной располагались ряды кресел. Мы начали занимать места. Я сел в первом ряду прямо перед самой трибуной. Справа от меня устроился Беннер, слева – тот самый ученый, что стоял рядом с полковником. Он выглядел вполне спокойным, имел довольно атлетичное телосложение, а еще кисть левой руки ему заменял киберпротез, который я заметил не сразу, потому что покрыт он был материалом телесного цвета.

– Итак, господа контрактники, вы все здесь, значит, можем начинать, – заговорил полковник Геррот, и его голос разлился по всему залу, перекрывая легкий галдеж собравшихся. Гул голосов начал быстро утихать.

– Сейчас все узнаешь... Ну не все, конечно. Всей правды он нам не скажет. Но все равно ты поймешь, что я был прав, – прошептал мой бывший сослуживец.

– Заткнись, Бен.

– Первое, с чего бы я хотел начать, так это с ответа на вопрос, который, я уверен, не давал вам покоя все эти дни – для чего мы вас здесь собрали, – заговорил полковник.

– Еще бы не помешало понять, почему вы натравили на нас шагоход, который раскидал нас как котят? – раздался голос Лиса.

– На этот вопрос я тоже отвечу, но позже. И я попрошу вас соблюдать тишину и ничего не говорить, пока я буду излагать суть ситуации. Надеюсь, подобного не повторится. – Полковник говорил спокойно, но в голосе чувствовалась решимость.

Лис что-то сказал еще, но негромко, поэтому я не расслышал.

Полковник, тем не менее, продолжил:

– Итак, вернемся к основному вопросу. Так почему же вы здесь? Наши вербовщики уже сообщили вам, что вы попали в некий государственный проект. И это правда. Теперь же пришло время раскрыть детали. Так вот, проект этот имеет статус военного и экспериментального, но самое важное – он секретный. Поэтому, начиная с этой минуты, вся информация, которую вы услышите здесь, будет считаться тайной, и, соответственно, разглашение ее может привести к не самым приятным последствиям... для вас.

Ну вот, сразу подумалось мне, еще толком не начали ничего делать, а уже угрозы пошли. Как же меня раздражают все эти чинуши...

– Каждый из вас уже подписал контракт, в котором ситуация о запрете разглашения секретной информации освещена, поэтому, я думаю, что вы все прекрасно понимаете. Теперь же перейдем к самому проекту. Мы дали ему название «Даггер», что в переводе со староанглийского означает «кинжал». Почему «кинжал», наверное, спросите вы. И я от-

вечу. Потому что это холодное оружие в древности всегда считалось орудием убийств ассасинов и киллеров, которые не всегда, но часто действовали незаметно. Отсюда вытекает идеологическая сторона проекта – мы будем заниматься разного рода тайными операциями и диверсиями. Но кто враг, если война с Империей окончена, спросите вы. И тут я вам тоже отвечу: война не окончена. Да, активных военных действий на линиях фронтов не ведется. Да, армии обеих держав были отведены. Да, Империя подписала капитуляцию. Но... всегда есть какое-то «но», – на последних словах полковник позволил себе едва заметно улыбнуться. Вернее, губы-то его не дрогнули, но в глазах все же блеснула ухмылка. – Правительство Альрийской Федерации не устраивает сложившееся положение дел. Все прекрасно понимают, что никто – ни мы, ни локсийцы – не собирались заканчивать войну подобным образом. Каждая из сторон нуждалась в полной и безапелляционной победе. Но, увы, ресурсы и возможности небезграничны. Если бы Империя не капитулировала первой, Федерации было бы сложно продолжать войну.

Теперь уже улыбался я. Наконец, хоть кто-то из чинуш признал, что победа Федерации в Первой Межгалактической – пыль в глаза простым обывателям, которые просто устали от затянувшейся войны, экономического истощения и постоянного напряжения психики из-за непонимания, когда все это закончится.

– Поэтому, у нашего правительства есть вполне конкрет-

ная цель: довести войну – настоящую войну – до полного финала. И задача теперь – не очередная капитуляция Империи, а ее полное уничтожение.

Я снова усмехнулся. Для меня всегда было очевидно, что Федерация никогда не смирится с тем фактом, что под боком у нее существует пускай и временно ослабшая, но вполне могущественная Империя. Два хищника в одной клетке никогда не уживутся, даже если эта клетка – целая галактика.

– Но как вы понимаете, бить в лоб мы теперь не можем. На это нет ни ресурсов, ни сколько-нибудь действенных стратегий. Разведка хорошо изучила противника изнутри и с полной ясностью нам сообщила, что просто так Империя сдаваться не собирается. Все вы знаете, что у них там балом правит тоталитарный режим, что император со своей свитой держит все стальной хваткой, и даже военное ослабление и так называемая капитуляция почти никак не отразилась на умах простых граждан. Люди по-прежнему верят, что их правитель – это лучшее, что может позволить государство. Беря во внимание перечисленные факты, правительство Федерации решило инициировать наш проект. Даггер – это новый инструмент по невидимой борьбе с врагом.

Вот и пафос полился, снова подумал я. Не любил я подобных речей, веяло от них пустой надменностью и лживостью.

– Это все, что касается проекта в общих чертах, – продолжил полковник после короткой паузы. – Теперь же перейдем к конкретике. Вы все так или иначе знакомы с военным де-

лом, многие из вас даже участвовали в боях и диверсионных вылазках. Тем не менее, знания о некоторых тонкостях в ведении операций вам следовало бы обновить и укрепить. Не помешало бы подтянуть и физическую форму. Поэтому, в первую очередь, я хотел бы представить вам человека, который и займется вами в этом вопросе. Знакомьтесь, Джонатан Бейзер, ваш инструктор по боевой и оперативной подготовке.

Полковник чуть повернулся в бок и кивнул. На трибуну медленно вышел высокий мускулистый человек лет под пятьдесят в камуфляжных штанах и черной майке. Он был коротко острижен, гладко выбрит, а на его левом плече красовалась темно-синяя татуировка в виде полыхающей огнем эмблемы Альрийской Федерации. Что-то было написано вязью и на груди, но из-за одежды разобрать было нельзя.

Непрошибаемый патриот, сказал про себя я и поморщился. Ну а кто в здравом уме стал бы измалевывать свое тело такими рисунками? Подобных типов я не любил, от их заунывных наставлений и нравоучений у меня портился аппетит и настроение.

– Привет, доходяги, – ухмыльнулся он. Голос у него был низким, грубым. – Мое имя вы слышали, но я разрешаю называть меня просто сэр.

– Спасибо, Джонатан, – кивнул полковник. – Он у нас любит пошутить. Я уверен, вы все с ним подружитесь.

Инструктор сошел с трибуны, а полковник перевел дух и

проговорил:

– Теперь хочу познакомить вас с тем человеком, который хранит мир и порядок в нашем небольшом сообществе. Начальник службы безопасности капитан Уиллис Гоббс.

На сцену начал подниматься другой представитель местной группировки придурков, возомнивших себя древними ассасинами, как меня едва не перекосило от изумления. Уиллис Гоббс? Я не ослышался? Именно тот Гоббс, которого я прикрыл от начальства и спас от трибунала в далеком прошлом? Или же это банальное совпадение имени и фамилии?

Я напряженно уставился на трибуну, на которой уже через пять секунд появился начальник службы безопасности. Да, это был тот самый Уиллис Гоббс, которого я знал еще зеленым юнцом. Только теперь он стал совершенно лысым и обзавелся глубоким шрамом, по диагонали пересекающим левую щеку и часть подбородка. Взгляд тоже изменился – в нем появилась сталь и вселенское спокойствие.

Какое же все-таки у судьбы паскудное чувство юмора. Пока я с сорванными погонами и разбитой вдребезги репутацией сидел в застенках, двое из моих бывших сослуживцев неплохо так продвинулись по карьерной лестнице. А Гоббс так вообще попал в секретный правительственный проект, и не абы кем, а целым начальником службы безопасности. Я, конечно, ни в какую мистику не верю, но, похоже, не зря он мне недавно приснился.

Встав рядом с полковником, Гоббс упер руки в бока и об-

вел нас строгим взглядом тюремного надсмотрщика. Говорить он, похоже, ничего не собирался.

– Капитан Гоббс – очень опытный и волевой человек. На него можно положиться, – сказал полковник, то ли пытаясь похвалить начальника службы безопасности, то ли оправдать за его молчаливость. – В любом случае, в скором времени вам представится возможность познакомиться с ним поближе.

Гоббс ушел, а Сэмюэль Геррот заговорил снова:

– И в завершение хочу представить вам еще одного человека, без которого данный проект не был бы инициирован в принципе. Встречайте, Шой Рогинев, профессор кибернетики и генно-модификаторной биологии.

Неожиданно человек с киберпротезом, что сидел слева от меня, поднялся со своего места и двинулся к трибуне. Быстро и ловко взобрался на нее. Встал слева от полковника, смелым и немного отстраненным взглядом осмотрел зал. Лицо его было бледным, глаза задумчивыми, но в глубине немного шальными. И у меня почему-то проскользнула мысль, что он что-то скрывает.

– Приветствую всех... собравшихся, – произнес он ровным голосом. – Полковник Геррот не сказал вам о проекте самое важное.

– Да-да, – вклинился Сэмюэль Геррот. – Я хотел, чтобы это самое важное сообщил непосредственно тот, благодаря кому оно и обрело возможность существовать. От себя еще

добавлю, что профессор – настоящий гений в своей области знаний, ну и просто замечательный человек.

– Благодарю, полковник, – кивнул профессор и с явным недовольством поморщился. Похоже, не особенно-то он любил, когда ему льстили. – Физическая подготовка и военная дисциплина, а также понимание ведения спецопераций – это, безусловно, необходимые компоненты для успешного хода проекта. Но главное все же заключается в другом. В организм каждого из участников проекта Даггер будет внедрен сверхтехнологичный комплекс наноимплантов, улучшающий и выводящий возможности человеческого организма на качественно новый уровень. Как он работает и какие именно изменения вносит, я сейчас говорить не стану, потому что это займет слишком много времени. Но мы обязательно вернемся к этому позже.

– Спасибо, профессор, – сказал полковник. Шой Рогинев кивнул, сошел с трибуны и двинулся вдоль рядов кресел.

Сэмюэль Геррот продолжил что-то вещать дальше, но я его уже не слушал. Все мое внимание было сосредоточено на профессоре. Как ни странно, но именно на ученого Шой похожим не был. Он подошел ближе, и теперь я мог разглядеть его более детально. Он обладал подтянутой атлетичной фигурой, широкими плечами и ростом чуть выше среднего. Помимо упомянутого недуга с левой рукой, на лице я заметил многочисленные мелкие шрамы, которые от старости лет хоть и поблекли, но все еще хранили память о былых време-

нах. Возможно, он даже был на войне, что для ученого, тем более профессора, в принципе немыслимо. Да и свой чин он получил подозрительно рано. Профессорами обычно становятся уже на закате жизни, а Шою Рогиневу было чуть за сорок.

Профессор не стал садиться в кресло рядом со мной, а прошел мимо. Решил вовсе покинуть зал аудиенций. Я же еще долго смотрел ему вслед. Что-то в нем и привлекало и настораживало одновременно. Станный человек. Такие мне нравились.

– Ну что, рядовой Хоксвелл, теперь ты мне поверил? – ткнул меня в бок Бен. – Слышал, что сказал профессор про импланты?

Я кивнул.

– И это только вершина айсберга. Все самое интересное будет потом.

– Бен, ты же все обо всех тут знаешь... Этот профессор... кто он?

– Шой Рогинев?.. Ты что... Он – местная легенда.

– И в чем его легендарность?

– Это, конечно, всячески скрывается, – Бен чуть прильнул ко мне и заговорил шепотом, – но говорят, что он во время войны был в плену у локсов. Сбежал, угнав корвет самого первого канцлера.

Я нахмурился.

– Что за бред? Сбежать из плена – уже невозможно, а

угнать корвет – вообще за пределом фантастики.

– Так говорят, – пожал плечами Бен.

Я усмехнулся и покачал головой. Задумался. Профессор, конечно, человек интересный, вот и придумывают про него всякие легенды. Все это объяснимо. Тем не менее, мне захотелось познакомиться с ним поближе. Чувствовалось, что он свой, такой же как все мы тут. Интуиция подсказывала, что от нашего с ним знакомства в плюсе останутся все.

Время покажет...

Глава 6

Когда речь полковника подошла к концу, всех участников проекта отправили в жилую зону, предупредив, что будут вызывать по несколько человек для собеседования у психолога-псионика, а после этого мы пройдем медицинскую проверку. Мы вернулись на свои места, но уже спустя несколько минут из громкоговорителя прозвучало несколько имен. Моего в нем не было.

Я же вернулся к своим бывшим «коллегам» по тюрьме, которые уже успели занять уголок в зале отдыха, как называлось довольно просторное помещение рядом с жилой зоной. Из четверых бывших обитателей Платоса здесь присутствовали только Олуш и Коннор, однако к ним присоединился и еще один человек – темнокожий, высокий, жилистый и весь покрытый выцветшими татуировками мужик лет сорока пяти. Костяшки пальцев на его широких кулаках были замечены металлическими шипами-имплантами, а зрачки имели неестественный желтый оттенок, что так отчетливо выделялось на его темном лице, и что тоже говорило о каком-то улучшении глаз.

– О, а вот и легенда Платоса. Познакомься, Фарт, это Палач, – заулыбался Лис, как только заметил, что я направляюсь к ним.

– Здорово, неудачники, – кивнул я и перевел взгляд на нового знакомого. Тот, сложив руки у груди, смотрел на меня как на дерьмо.

Я подошел ближе и, как ни в чем не бывало, протянул ладонь в дружелюбном жесте.

Фарт продолжал стоять без движения и смотрел на меня не моргая. Я же знал, что по тюремным правилам если ты не пожмешь протянутую руку в течение пяти секунд, то этот жест приравнивается к посылке оппонента к чертям собачьим, за что, как известно, можно в дальнейшем схлопотать проблем. Сейчас мы, конечно, находились не в тюрьме, да и Фарт мог не знать этих правил, но опыт мне подсказывал, что он все прекрасно понимал.

– Минуэр Полснер. Для друзей – Фарт, – сухо сказал он и все же пожал мне руку на исходе четвертой секунды. Хватка у него оказалась крепкой, стальной, руку словно прессом с двух сторон сжало.

– Фарт в Платосе тоже срок мотал. Восемь лет назад откинулся. Может, ты его еще застал, Палач? Он Носорога и Падре тоже помнит, – произнес Лис.

Я снова поглядел на чернокожего бывшего заключенного и покачал головой:

– Нет. Не застал. Я бы эти глазки запомнил, – сказал я, не отрывая взгляда от лица Фарта.

– А ты статус, похоже, своими шуточками заслужил? Слишком мало... для легенды, – усмехнулся Минуэр и, на-

конец, отпустил мою руку.

– Палач у нас во многом выделился. Его вся охрана слушалась, – сказал Коннор.

– Угу, кроме последнего дня пребывания в тюрьме, – добавил Олуш и осклабился.

– Где Линк и Ханжа? – спросил я, повернувшись к Лису.

– Пятнистый спелся с какими-то отмороженными любителями киберимплантов, а говорящую задницу я не видел с тех пор, как нас ангелок разбудил.

– Этот рыжий хрен, кстати, за ней уплелся, как пес за сучкой, – снова добавил Олуш, ткнув пальцем в плечо Коннора с такой силой, что тот аж пошатнулся. – Я ему говорю, мол, как прижмешь ее в каком-нибудь углу, то зови меня сразу. На двоих расчехлим мадам.

– Иди ладонь полируй, верзила, – ухмыльнулся в ответ Лис. – А этот ангелок ко мне сама припорхнет, вот увидишь.

– Если вы не знали, то в каждой ИЖС есть выход в вирт. Только доступ к экстранету там ограничен, но на порталы к проституткам зайти можно. Контора их услуги оптом платила.

– Неужели? – искренне удивился Олуш. – Я еще в своей жилой секции ничего толком не изучил. Нужно будет заценить.

– Не люблю я вирт, это все для слабаков. Ничто не утолит мужской голод лучше, чем настоящая живая женщина, – сказал Лис и развязно улыбнулся. Снова поглядел на меня: –

А ты как считаешь, Палач?

– Как ни считай, но женщин от этого в твоей жизни больше не станет, – сказал я. Перед глазами всплыло фантомное лицо Клариссы. Удивительно, но за последние сутки я не вспоминал о ней ни разу. Тему о женщинах я решил задавить еще в зародыше, поэтому тут же поменял ее на другую: – Что по поводу проекта скажете? Не пожалели, что влезли в это дерьмо?

– Все лучше, чем гнить в Платосе, – брезгливо поморщившись, ответил Олуш.

– Я думаю, что мы еще толком ничего не знаем, чтобы делать выводы, – проговорил Лис. – Но меня смущают импланты, про которые говорил тот ученый, доктор или профессор – не помню, кто он там.

– Профессор Шой Рогинев, – напомнил я.

– Точно, – кивнул Коннор. – Именно он собрался внедрять нам какие-то сверхсовременные импланты. Не люблю я всю эту инородщину, но Линк сказал, что вещь должна быть стоящая. Вот и проверим.

– Ты слишком доверяешь этому молокососу. Как по мне, то от него лучше держаться подальше, – посерьезнев, сказал Олуш.

– Мы все: я, ты, Палач, Линк, даже говорящая задница – с Платоса. Теперь к нам присоединился и Фарт. Мы должны доверять друг другу, как одна семья, – с ухмылкой проговорил Коннор, хотя по его хитрому взгляду было понятно, что

он ничуть не верит в свои же слова и сольется при любом неудобном случае.

– Внимание! – раздался гендерно-нейтральный голос из динамиков. – На собеседование приглашаются Михель Донски, Орландо Кринг, Бикмучиносиус Дисрей Олушарий, Эдриа Мэй и Алекс Хоксвелл. Просьба пройти в кабинет номер шесть.

– Вот и мой жребий выпал, – проговорил я, хлопнув по плечу Лиса. – Я пошел к мозгоправам, а вы, платосцы, держитесь вместе.

– Все мы там будем, – подмигнул мне Коннор.

Я двинулся к коридору, который вел к кабинету психолога-псионика.

– Постой, Палач, я с тобой, – внезапно окликнул меня Олуш.

– Да? – удивился я. – Твое имя вроде бы не называли.

– Называли, – здоровяк явно погрустнел. – Бикмучиносиус Дисрей Олушарий.

– Понятно. Я даже не знал, как оно полностью звучит.

– Никто не знает. Все – и друзья, и враги – зовут меня Олушем.

– Оно и понятно, почему. Никому не хочется язык ломать. И за что тебя таким именем наградили?

– Это особенность культуры, где я родился. Я с Фарго, с провинции Вольных городов, – Олуш поморщился, добавив: – Дурацкое название.

– Почему же?

– Потому что никакие там города не вольные. Подчиняемся всем тем же законам, что работают по всей планете и Федерации.

– Но название-то откуда-то взялось?

– Угу, взялось. Его еще при колонизации дали триста лет назад. Когда все только начиналось, правители нескольких городов отделились от Федерации, решив стать независимыми. Вот же придурки!.. Как можно стать полностью независимыми, живя на одной планете с остальными альрийскими провинциями? Тогда у Федерации не было сильной власти, и они не стали с ними ругаться. Только поржали, наверное, в рукав и помахали им ручкой. Те отделились. Построили собственный космопорт и начали вести дела. Но через несколько лет сами вернулись в состав Федерации, потому что вся их экономика, основанная на добыче меди, спустилась в унитаз.

– Почему?

– Федерация поступила хитро и нагло – запретила крупным предприятиям покупать медь у Вольных городов. Вот те и сдулись.

– Для заключенного ты неплохо знаешь историю своей планеты, – усмехнулся я.

– А что тут такого?.. – пожал плечами Олуш. – Поначалу я был примерным гражданином Фарго и Федерации. Потом началась война и... все пошло в задницу.

– Фарго... Фарго... – задумался я. – Постой, Фарго ведь

тоже локсы бомбили, верно?

– Верно, – вздохнул Олуш. – Уже ближе к концу войны.

Мы замолчали. Каждый, видимо, вспоминал о своем мире. Пейзажи Лямории снова поплыли перед моим мысленным взором. В реальности же там теперь взглянуть не на что. Насколько я помнил из новостных сводок того времени, от массированных орбитальных атак пострадало более половины поверхности планеты, из-за чего по предположительным данным было уничтожено около восьмидесяти процентов населения. Но имперцы посчитали, что этого недостаточно, поэтому выпустили в атмосферу Лямории ПАГ, который добил оставшихся. Для меня до сих пор осталось загадкой, почему они так жестоко поступили с планетой, на которой никогда не располагалось ни крупных заводов, ни космопортов, ни каких-либо военных объектов. Единственный ее недостаток – это относительно близкое расположение к границам Империи. Но ведь многие другие планеты локсы не тронули. Надо было мне задать вопрос тем локсийским ублюдкам, прежде чем выпускать в них очередь из автомата.

Погрузившись в воспоминания, я и не заметил, как мы оказались напротив кабинета номер шесть. Остальные трое из списка уже были здесь. Двух мужиков – понурого седого доходягу с глазным имплантом и широкоплечего коротышку с металлической серой шапкой вместо волос я уже встречал, хотя и знаком с ними не был. А вот смуглую невысокую женщину с короткой стрижкой и мелкими черными глазами,

которые, казалось, посылали тебя к черту даже тогда, когда ты в них не смотрел, я видел впервые.

– Михель Донски, Орlando Кринг и Бикмучиносиус Дисрей Олушарий, пройдите, пожалуйста, в сектора шесть-один, шесть-два и шесть-три соответственно, – снова раздался гендерно-нейтральный голос из громкоговорителя.

Дверь перед нами, глухо прошипев, поднялась. Открылся проход в широкий коридор. Кабинет, как оказалось, делился на несколько секторов.

– Ну я пошел, – сказал Олуш. – Надеюсь, мозги они мне сильно не свернут.

– Было бы что сворачивать, – ухмыльнулся я.

Здоровяк натянуто улыбнулся и вместе с Михелем и Орlando скрылся в недрах кабинета номер шесть. Я перевел взгляд на женщину с черными глазами.

– Чего уставился? – буркнула она, злобно глядя на меня исподлобья.

– Да вот думаю, почему их вызвали, а нас с тобой – нет.

Дверь снова поднялась, и из кабинета вышло три человека – две высокие женщины лет по тридцать с небольшим и чуть согбенный мужчина со старинным трехпалым протезом вместо правой руки. Лица у всех троих были какие-то потерянные. Так обычно выглядят люди, которых несколько минут назад ошарашили какой-то сенсационной новостью.

Эдриа проводила вышедших взглядом и поморщилась. Снова поглядела на меня, как бы говоря глазами: понял те-

перь? Я понял. В двух секторах, предназначенных для меня, пока еще находились другие участники.

– Ты откуда? – спросил я.

– Из задницы верблюда, – выплюнула она и отвернулась.

Общаться с ней дальше не было никакого желания, но ностальгические мысли о погибшей родине все еще не выветрились из головы, поэтому я продолжил ее дожимать:

– Значит, с Земли.

– Почему это? – нахмурилась женщина.

– Ну если ты из задницы верблюда, а верблюды живут только на Земле, то все очевидно, – развел руками я.

– Ну и придурок же ты! – фыркнула Эдриа.

– Зато хотя бы не родился в заднице.

Черноглазка говорить ничего не стала. Сложив руки у груди, оно что-то раздраженно пробубнила и сморщила свое не очень уж привлекательное лицо. Я откровенно и почти театрально рассмеялся, продолжая пялиться на нее.

– Слушай, придурок, тебе что, делать нечего? – вперила она в меня свои острые глаза. Я прямо ощутил исходящую от нее злобу. Странная девка.

– Совершенно нечего, – кивнул я.

– Тогда иди поиграйся со своим малышом в штанах, – бросила она.

– Эдриа Мэй и Алекс Хоксвелл, пройдите, пожалуйста, в сектора шесть-четыре и шесть-пять, – снова раздался голос из динамиков, и дверь поднялась.

Я шагнул в коридор. Черноглазка рванула вперед, чуть оттолкнув меня. Мелкая злая сучка!

Навстречу к нам шли еще двое участников. Взгляд, как и у предыдущих троих, отстраненный, потерянный. И что с ними эти мозгоправы сделали? Скоро узнаю.

Я вошел в проход, над которым были выведены черные цифры «6-5», и оказался в небольшом квадратном помещении. Стены здесь представляли собой зеркала от пола до потолка, посередине стоял прямоугольный стол, за которым сидела женщина в строгом темно-сером костюме с эмблемой Альрийской Федерации на левой стороне груди. Лет ей было под сорок, темные волосы аккуратно уложены в простую, но аккуратную прическу, на левом виске притаился мелкий имплант телесного цвета. Перед ней лежал голопланшет, в котором она совершала какие-то манипуляции пальцами.

– Алекс Хоксвелл, верно? – спросила женщина, глядя как бы поверх меня. Хотя, возможно, мне это только казалось.

– Если мою личность не стерли и не подменили другой, пока я лежал в регенерационной камере, то верно.

– Присаживайтесь, – она указала на стул, стоящий у стола напротив нее.

Я сел.

Женщина ткнула пальцем в голопланшет, и из него выскочило небольшое изображение мужчины в полный рост, в котором я узнал себя. Рядом с полупрозрачной трехмерной картинкой расположился мелкий текст. Похоже, она в

данный момент изучала мое досье. Женщина снова ткнула пальцем в устройство, а потом коснулась импланта на виске. Изображение на голопланшете исчезло. Чуть откинувшись на спинку стула. Поглядела на меня, но снова как-то поверх, словно только касаясь взглядом.

– Итак, Алекс Хоксвелл. Разрешите представиться, я – доктор Амалия Кински. Я психолог, и сейчас мы немного поговорим о вас.

– Я польщен, – хмыкнул я. – Еще никто вот так с ходу не горел желанием говорить обо мне.

– Скажите, Алекс, почему вы решили участвовать в проекте «Даггер»? – спросила она, проигнорировав мою реплику.

– Все лучше, чем гнить в Платосе, – повторил я недавний ответ Олуша.

– Из своего пятнадцатилетнего срока заключения вы отбыли восемь лет, что больше половины. Неужели вы решили, что подвергнуть себя новым опасностям – лучшая альтернатива семи годам спокойствия?

– Семи годам спокойствия, – повторил я и усмехнулся. – Забавно вы назвали годы заключения в тюрьме.

– И все же?

– И все же: все лучше, чем гнить в Платосе.

Доктор Кински, наконец, позволила себе легкую улыбку. Сказала:

– Не волнуйтесь, Алекс, все, что вы скажите, останется

между нам. Вы можете быть откровенны со мной.

– Разумеется, я вам верю, – сделав наивное выражение лица, произнес я. – Только вы не уточнили, что в промежутке между мной и вами есть один ма-а-аленький зазорчик, в который, тем не менее, удивительным образом поместится еще с десяток других людей.

Доктор Кински теперь уже откровенно рассмеялась, чуть прикрыв рот ладонью. Откинувшись на спинку стула еще вольготнее, и ее образ строгого психолога начал рушиться.

– Хорошо, Алекс, я вас поняла. И, знаете, вы правы, что никому не доверяете, – кивнула она.

Я говорить ничего не стал.

– Но есть один интересный момент, который я очень хочу для себя выяснить. «Даггер», как вы знаете, правительственный проект, а вы, насколько мне известно, не очень жалуете это самое правительство. Отсюда напрашивается простой вопрос: зачем вам лезть во все это? Не лучше ли все-таки отсидеться на привычном месте?

Я вздохнул. Отвел взгляд, задумался.

– Еще раз хочу напомнить, что если вы назовете истинную причину, по которой вы решили участвовать в проекте, то никто о ней не узнает. Если вы того пожелаете, разумеется.

– Тем более вы все равно все узнаете и без моего желания, верно? – Я снова поглядел на Амалию Кински. – Вы псионик, доктор, а значит, способны проникать в мозги других людей, как крысы в сточные канавы. Зачем весь этот цирк?

– Не буду скрывать, что я способна на подобное, но мне бы хотелось, чтобы вы рассказали все сами. Я знаю, Алекс, что вы пережили много тяжелых событий. Гибель родной планеты, война, трибунал и тюрьма – все это оставило глубокие шрамы на вашем сердце. Но я должна быть уверена, что, став полноценным участником проекта «Даггер», вы... – она сделала паузу.

– ... не повторю своей ошибки... Вы это хотели сказать? – закончил я.

– Как вам будет угодно, – пожала плечами она. – Вы сказали «ошибка». До этого вы считали, что вас осудили напрасно. Теперь ваше мнение поменялось?

– Вы не поймаете меня, доктор, – покачал головой я. – Да, я нарушил приказ командования. Но по-прежнему не виню себя за это. Если вы считаете, что я могу совершить что-то подобное еще раз – дело ваше. Но раскаяния о своих прошлых поступках вы от меня не дождетесь. Даже фальшивого.

– Поймите, Алекс, почти все участники проекта, в том числе и вы, – это люди, которым судьба дала второй шанс. Вы можете признавать или не признавать своей вины за прошлые ошибки, верить в свою правоту или проклинать себя за содеянное, но сейчас это уже не имеет значения. Главное теперь для вас – идти новым путем дальше. Я лишь хочу понять, насколько этот новый путь для вас примелем.

– Он приемлем, поверьте.

Она снова улыбнулась, но уже по-другому. Она словно

что-то поняла. И смотрела теперь уже точно в глаза. И я подумал, что пошло оно все к черту! Зачем пытаться играть в игру, которая уже давно проиграна?..

– Я потерял все, доктор. Родную планету, карьеру, девушку. Ничего не осталось, ради чего следовало бы жить, – сказал я с легкостью, словно сняв с себя трехсоткилограммовый бронекостюм тяжелого пехотинца.

– Вот это я и хотела от вас услышать, – сказала она, и еще я отчетливо услышал у себя в голове, хотя мог поклясться, что вслух она этого не говорила, фразу: – Именно такие люди нам и нужны.

Из кабинета под номером шесть я вышел с очищенным разумом и легким сердцем. И вид у меня был слегка ошарашенный.

Глава 7

Едва солнце выглянуло из-за заснеженных горных вершин, как нас собрали на небольшом плацу, находился который, судя по всему, на крыше невысокого здания. Было видно, как за прозрачными стенами и потолком проносятся флаеры и аэробусы. Некоторые пролетали выше уровня видимости, некоторые – ниже, но было явно видно, что находились мы далеко не на первом ярусе.

– Итак, доходяги, надеюсь, вы хорошо выпалились, потому что сегодня вам придется как следует потрудиться, – громко и четко проговорил Джонатан Бейзер. Одет он был так же, как и вчера в зале аудиенций – в камуфляжные штаны и черную майку. Штанины были заправлены в укрепленные темные армейские ботинки на титановых заклепках.

Кто-то в переднем ряду звучно зевнул, кто-то что-то недовольно пробурчал. Лицо инструктора хранило хладнокровие и невозмутимость, хотя в глубине его карих глаз зарождалось пламя. Он медленно прошелся вдоль первого ряда шеренги, взгляд перескочил с одного участника на другого без особой заинтересованности. Остановился в конце строя и снова всех осмотрел. Сморщился и негромко, но четко проговорил:

– Стадо ни на что не годных придурков!..

– Полегче, командир, мы ж тебе не какие-то зеленые но-

вобранцы. Каждый где-то служил, воевал... Не надо так с нами, – сказал кто-то из строя.

Инструктор хмыкнул и медленно прошагал к середине шеренги, сложил руки у груди и принялся пальцами левой ладони массировать правый кулак. Сложилось четкое впечатление, что с минуты на минуту он собирался пройти им по чьей-то физиономии. Напряжение в рядах участников возросло, но до критической отметки пока что было далеко.

– Не зеленые новобранцы, говоришь, – произнес инструктор, чуть нахмутив густые, с проблесками седины брови. Поднял мускулистую руку и указал указательным пальцем вниз. – Кто это сказал, выйди сюда.

По строю прошла суeta, разлетелись шепотки, и один из заключенных из третьего ряда вышел на шаг вперед. Среднего роста тип, умеренного телосложения, в меру мускулистый. Вместо ушей какие-то слуховые импланты – небольшие бугорки серого цвета.

– А ты у нас, я вижу, слухач, – без намека на улыбку произнес Бейзер, наклонил голову чуть вправо и прищурился. В строю кто-то тихо хохотнул, кто-то зашептался, но явно чувствовалось, что так или иначе напряглись все.

– Почти угадал, командир. Я – Локатор, – с напускным вызовом представился участник проекта, расставив широко ноги и сложив руки у груди.

– Во-первых, Слухач, с этой минуты лично я буду называть тебя только так. Во-вторых, отныне и впредь для тебя

и, – инструктор ткнул в него пальцем, а потом указал на шеренгу, – для всех остальных, я – сэр. Ни командир, ни этот сраный говнюк, ни кто-то еще. Только «сэр». И, в-третьих, ты сказал, каждый из вас где-то служил или воевал. Пускай так. Но для меня это не имеет значения. Вы не прошли мою школу, а значит, все поголовно являетесь зелеными новобранцами. Если же ты, Слухач, не согласен с последним утверждением, то давай докажи обратное.

Локатор обернулся на строй, хохотнул, но уже без былой уверенности. Потом повернулся к инструктору и проговорил:

– Я не собираюсь меряться с тобой яйцами, командир. Мне хватило и вашего горячего приема в самом начале. После боя с тем шагоходом я полдня провалился в восстанавливающей ванне. До сих пор места ожогов болят.

Похоже, не только нас, выходцев Платоса, встретили с фанфарами, вылетающими из пушек кентавра. Так тут принимали всех потенциальных участников.

– То была всего лишь разминка и первичная проверка – кто на что из вас, доходяг, способен. И как я вижу, ты не усвоил моих правил.

– Я лишь прошу обращаться с нами уважительно. Мы не в том статусе, чтобы разговаривать с нами, как с дерьмом.

Я шумно выдохнул и поморщился. Какую же хрень этот идиот несет!..

– С дерьмом не разговаривают. Его смывают. Поэтому,

чтобы не быть смытым, закрой пасть, кивни башкой в знак того, что ты все понял и впредь подобных ошибок повторять не станешь, и встань в строй. Или... докажи, что ты не это самое дерьмо. Пока что я чувствую только вонь зеленого новобранца.

Локатор фыркнул, смачно сплюнул и на эмоциях проговорил:

– Да пошел ты!

Строй ахнул хором, вновь слышались шепотки. На лице инструктора же не шевельнулся ни один мускул. Он сделал глубокий вдох и быстро выдохнул. И в выдохе этом ощущалось вселенское разочарование. Два широких шага – и он оказался рядом с Локатором. Тот дернулся, готовясь то ли к удару, то ли к побегу, но не успел осуществить свой план. Бейзер схватил его за шею и резко наклонил вперед, заставив того припасть на колени. Локатор согнулся, как резиновый, сдавленно охнул, схватился за широкую ладонь инструктора, в тщетных попытках высвободиться, но даже самый отчаянный скептик с уверенностью сказал бы, что шансов на успех у него нет и быть не может ни при каком раскладе.

Выглядело все это как-то... убого и унижительно. Даже стыдно. Я брезгливо поморщился и покачал головой. Должно быть, этот Локатор никогда не служил в армии, пусть даже и выступал в защиту бывших военных. Дешевая показуха в надежде набить себе цену и не более.

– Если бы я был моложе лет на двадцать, Слухач, я, ко-

нечно же, хорошенько проучил бы тебя. Сломал бы нос и пару костей, – будничным тоном заговорил инструктор, не обращая внимания на барахтающегося и пыхтящего под его хваткой хамоватого участника. – Но много лет назад я для себя решил, что не буду вступать в бой с людьми, которые слабее и неопытнее меня, если, конечно же, они сами этого не захотят. Поэтому я дал тебе шанс проявить себя. Но ты испугался и решил пойти легким путем. Вместо того чтобы получить пару легких переломов и еще полдня отдохнуть в регенерационной камере, ты усвоишь урок.

Бейзер немного присел и опустил руку ниже, почти вжал в пол. Локатор безвольно распластался, вжался лицом в бетон.

– От-пус-ти! – с трудом выплюнул хамоватый участник. Говорить, уткнувшись рожей в твердый бетон, ему было не совсем удобно.

– Отпустить?.. А почему я должен это сделать?..

Локатор промычал что-то невнятное.

– Давай спросим у остальных, что они об этом думают? – Инструктор обвел нас взглядом. – Итак, доходяги. Вы знаете, что мне плевать на ваше мнение, но вот Слухач считает, что я поступаю с ним несправедливо. Что вы об этом думаете? Мне отпустить его и извиниться?

Строй молчал, став похожим на безмолвную стену. Все пять шеренг стояли без движения. Зевать и шептаться тоже перестали. Я глянул на стоящего в последнем ряду Громилу – самого рослого и наглого из нас, но бывший тяжелый пе-

хотинец смотрел куда-то вперед, делая вид, что все происходящее его не касается. Интересно, а почему вместо Локатора не взбрыкнулся именно он, ведь по его словам, он не любил, когда им помыкали? Хотя, надо признать, ситуация тут своеобразная.

– Вот видишь, Слухач, никто не считает, что я поступаю с тобой несправедливо. Ты же должен понять, что тот, кто требует уважения, меньше всего его достоин. Уважение зарабатывается поступками, а не словами. Я дал тебе возможность проявить себя, но ты, как я уже сказал, решил пойти другим путем.

Локатор что-то пропыхтел. Лицо его покраснелось, темные волосы растрепались, пол стал мокрым от слюны.

– Пока ты протираешь мордой пол, усвой мои правила, которые я недавно озвучил. Помнишь их?

Опять что-то невнятное вылетело изо рта Локатора. Бейзер чуть ослабил хватку, приподнял голову бедолаги и сказал:

– Я тебя не слышу.

– Какого черта ты творишь?.. Я чуть не задохнулся!

Инструктор снова вдавил его рожу в бетон и чуть отстраненно продолжил:

– Поверь, Слухач, я могу удерживать тебя в таком состоянии сколько угодно. Десять минут, тридцать, час. Если потребуется, то и весь день. Проблема лишь в том, что остальным доходягам придется ждать, пока до тебя не дойдет. Они

потеряют время. Я потеряю время. Ты потеряешь время. Но я не пожалею об этом, потому что правительство Альрийской Федерации вложило огромные деньги в этот проект, и моя задача – добиться того, чтобы все винтики здесь работали слаженно. Тебе это ясно?

– Да-а-а, – протянул спустя короткую паузу Локатор.

– Итак, я жду. Повтори, какие правила ты усвоил, – попросил Бейзер, снова чуть приподняв голову бедолаги.

– Ты называешь меня Слухачом...

– Хорошо. Дальше.

– Тебя нужно называть «сэр».

– Отлично. Еще.

– Мы все здесь – зеленые новобранцы. Ни на что не способные придурки.

– Правильно.

Инструктор выпрямился, заодно подняв и Локатора. Тот послушно поднялся вместе с ним, крепко усвоив, что сопротивляться бесполезно.

– Я хочу, чтобы вы поняли. У меня нет ни малейшего желания ломать вам ноги и руки в надежде, что вы что-то там осознаете. Мне нужно, чтобы вы стали единой командой, чтобы выполняли приказы командования и не перечили начальству. Правительство Альрийской Федерации оказало вам огромную честь, приняв на такую важную и ответственную работу. Каждый из вас, доходяг, считает себя особенным, не таким как все. Это отлично видно по вашим разма-

леванным рожам и щуплым телам. Вы думаете, что если нарисуете на лысой башке или щеке череп или морду какого-то уроды, то вас станут бояться и уважать? Или исчиркаете руку или спину, чтобы показать окружающим скольких человек вы убили или сколько лет провели в тюрьме, и это как-то возвысит вас в глазах окружающих? – Бейзер с отвращением сморщил нос и покачал головой. – Это так не работает, но лишь в очередной раз доказывает, что вы обычные выскочки. А выскочек, – чуть подтолкнул Локатора вперед. Тот сморщился, но послушно сделал полшага, – рано или поздно ставят на место.

Инструктор прервался, снова оглядел нас. Обратился к Локатору:

– Встань в строй и больше не мозоль мне глаза.

– Да, сэр, – кивнул тот и осторожным шагом направился к своему месту. Лицо его было по-прежнему красным, но уже не от того, что им елозили по бетону, а от стыда. Я же про себя усмехнулся. Будь мы при иных обстоятельствах, я бы выдал пару колких шуточек по этому поводу.

– Итак, доходяги, теперь, когда с лирикой покончено, мы перейдем к делу, – заговорил Бейзер, выпрямив спину и заложив руки за спину. – Времени на подготовку у нас всего два месяца, поэтому вам придется все схватывать на лету. Но именно сегодня никаких тренировок не будет. Вы пройдете проверку на физическую и боевую подготовку, покажете себя во всей красе. Многие из вас обвешаны импланта-

ми, поэтому, чтобы результат теста на вашу пригодность был более точным, их действие на время приглушат или полностью заблокируют, кроме тех, конечно же, без которых ваши щуплые тела не способны существовать. Помимо это, данная процедура необходима, чтобы профессор Рогинев подготовил для внедрения в каждого из вас свои железки, уж не знаю, как они там называются. Если вы не в курсе, то к каждому из вас он разрабатывает индивидуальный комплекс имплантов, рассчитанный именно на ваш организм и генетику. Как по мне, то вы не достойны такой чести, но если того пожелало правительство Альрийской Федерации, то значит так тому и быть. Сейчас вы пройдете в медицинский корпус, и на вас поставят считывающие датчики и киберглушилки. Все, что касается блокировки ваших имплантов, обсудите с медиками и кибертехниками. Вопросы есть?

Никто в строю не проронил и слова, хотя, наверное, желающие уточнить какие-то моменты были.

Мы двинулись в медицинский корпус, нас разбили на группы по пять-шесть человек и распределили по разным кабинетам. Спустя час мы снова вернулись на плац, увешанные датчиками и киберглушилками, как общественные рекламные столбы – голообъявлениями.

По дороге обратно я пересекся с Линком, который морщился и недовольно бурчал под нос. На вопрос, что он такой кислый, бывший обитатель Платоса ответил:

– Эти уроды сказали, что даже не собираются включать

мой имплант-взломщик.

– Включать? Так они же, наоборот, все импланты заглушили. С чего бы им твой оставлять включенным?

– Ты не понял, Палач. Мой имплант вырубили еще на Платосе. Хирургически. Потому что знали, что я любую их глушилку отключу, – ухмыльнулся Линк, но через миг снова натянул на усеянное пигментными пятнами лицо унылую маску. Поднял руку и брезгливо осмотрел датчик на запястье: – Теперь еще этого дерьма повешали.

– А почему твой взломщик не вырезали из тебя, как опасную опухоль? Как это делали раньше, когда еще не умели лечить рак.

– Потому что имплант прочно сращен с моим мозгом. Вырежут его, и я стану овощем и буду всю оставшуюся жизнь гадить под себя и мычать. Оно им надо?.. Как ни странно, но выключить его можно только механически, путем ввода специальных наноботов мне в башку.

– И никакие псионики тоже не смогут ничего сделать?

– Я же говорю: только механически. Не знаю, если псионик владеет телекинетикой и телепатией в совершенстве, то может, у него что-то и получится, но таких я еще не встречал. Пока что на это способны только наноботы.

– И где ты отыскал такую железку? Не боялся, что при установке что-то может пойти не так, и тебе свернет мозги?

Линк снова усмехнулся и покачал головой. Хлопнул меня по плечу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.